

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav 615.2.7

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Ир 20 $\frac{Б-2}{1}$

Ир 20 $\frac{Б-2}{1}$

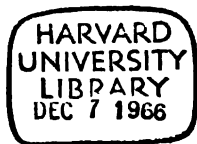
КЪ ИСТОРИИ
МОСКОВСКИХЪ
ЗЕМСКИХЪ СОБОРОВЪ.

Проф. С. Платоновъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1905.

Slav 615.2.7

✓

*Извлечено из „Журнала для всех“,
№№ 1, 2 и 3, 1905 г.*

Дозволено цензурою. Спб., 28 января 1905 года.

Типографія М-ва Путей Сообщенія
(Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

КЪ ИСТОРИИ МОСКОВСКИХЪ ЗЕМСКИХЪ СОБОРОВЪ.

I. Литература о земскихъ соборахъ. II. Происхожденіе земскихъ соборовъ. III. Представительство на первомъ земскомъ соборѣ. IV. Другія формы совѣщаній въ XVI вѣкѣ. V. Начало выборнаго представительства въ Московскомъ государствѣ. VI. Роль выборнаго представительства въ Смутное время. VII. Земскіе соборы Смутнаго времени. VIII. Соборъ 1613 года. IX. Земскіе соборы-времени царя Михаила Феодоровича. X. Земскій соборъ 1648 года и Уложеніе. XI. Конецъ земскихъ соборовъ и ихъ замѣстители.

I.

Съ середины XVI-го до середины XVII-го вѣка въ Московскомъ государствѣ рядомъ съ постоянною государевою думою дѣйствуетъ другой совѣщательный органъ, называемый въ наукѣ „земскимъ соборомъ“, а въ памятникахъ того времени „совѣтомъ всея земли“, „всею землею“, или просто „соборомъ“. Очень давно этотъ „совѣтъ всея земли“ сталъ интересовать ученыхъ изслѣдователей, и они пытались дать ему научное опредѣленіе. Нашъ извѣстный юристъ, недавно умершій В. Н. Чичеринъ отнесъ соборы къ тому типу сословныхъ предста-

вительныхъ собраний, который развился въ средневѣковыхъ европейскихъ государствахъ и исчезъ съ усиленіемъ монархическаго начала въ концѣ среднихъ вѣковъ ¹⁾). Полную параллель нашихъ соборовъ съ западно-европейскими сословными собраніями старался установить В. И. Сергѣевичъ, полагавшій, что и причины возникновенія соборовъ на Руси были одинаковы съ причинами, породившими сословныя собранія на западѣ: и тамъ и здѣсь народное представительство служило орудіемъ государственнаго объединенія. Монархическая власть въ своей объединительной дѣятельности искала опоры себѣ въ сословіяхъ и созывала на совѣтъ ихъ представителей; когда же объединеніе достигалось, тогда необходимость въ такой опорѣ упразднялась, и сословныя собранія исчезали изъ практики ²⁾). Но въ то время, какъ Чичеринъ смотрѣлъ отрицательно на политическое значеніе московскихъ соборовъ и думалъ, что они исчезли „просто влѣдствіе внутренняго ничтожества“, проф. Сергѣевичъ наблюдалъ въ соборахъ „условія жизненности“. По его словамъ, „въ патріотической дѣятельности ихъ (то-есть, соборовъ) московскіе государи всегда находили поддержку всѣмъ своимъ бла-

¹⁾ *Б. Н. Чичеринъ. О народномъ представительствѣ. М. 1866. (Второе изданіе: М. 1899).*

²⁾ *В. И. Сергѣевичъ. Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ („Сборникъ Государственныхъ Знаній“, т. II, Спб. 1875).*

гимъ начинаніямъ. Соборы всегда стояли на стражѣ закона и безопасности государства. Если государи перестали созывать соборы, то причину этого надо искать въ стороннихъ вліяніяхъ“. Самъ г. Сергѣевичъ это стороннее вліяніе приписывалъ московскимъ боярамъ. Взглядъ г. Сергѣевича былъ принятъ послѣдующими изслѣдователями соборовъ, и среди нихъ стало господствовать желаніе возможно полнѣе представить дѣятельность соборовъ и возможно яснѣе доказать ихъ жизнеспособность. Первой цѣли думали достигнуть тѣмъ, что въ изложеніе исторіи соборовъ включали не только дѣйствительные соборы, но и всѣ тѣ явленія московской жизни, въ которыхъ желали видѣть ту или иную форму „обращенія къ народу“, или же проявленіе „соборнаго начала“. Такимъ способомъ создано было понятіе о соборахъ „неполныхъ“ и „фиктивныхъ“, иначе говоря, о соборахъ, которые вовсе не были соборами. Внѣшняя исторія соборовъ, благодаря этому, стала запутанной и сбивчивой и не давала (напримѣръ, въ наиболѣе „полномъ“ изложеніи г. Латкина ¹⁾) никакого понятія о внутреннемъ развитіи изучаемаго учрежденія. Второй цѣли думали достигнуть тѣмъ, что доказывали активную роль соборовъ въ строеніи государственнаго порядка и не считали возможнымъ пред-

¹⁾ Земскіе соборы древней Руси. *В. Латкина* (Спб. 1885).

ставлять их „чисто совѣщательнымъ учрежденіемъ“ при монархѣ. Но такъ какъ ограничительнаго значенія соборы явно не имѣли, то оставалось утверждать, что ихъ роль была велика, но точно не опредѣлима, и что въ основѣ соборовъ „лежалъ фактъ, а не право“. Это утвержденіе редактировалось иногда и иначе, словами извѣстнаго славянофила К. С. Аксакова, говорившаго, что на соборахъ „отношенія царя и народа опредѣляются: правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія“ ¹⁾. Подобными формулами правовое значеніе соборовъ, конечно, не могло быть точно выяснено; но существенно важная роль соборовъ въ жизни государства все-таки была показана.

Новый періодъ въ изученіи нашихъ соборовъ насталъ тогда, когда появились труды М. Ф. Владимірскаго-Буданова („Обзоръ исторіи русскаго права“) и В. О. Ключевскаго („Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси“) ²⁾. Первый изъ этихъ ученыхъ съ

¹⁾ Исторія права Московскаго государства. *Н. П. Загоскина*. Томъ I, Казань, 1877, стр. 336 и слѣд. Полное собраніе сочиненій *К. С. Аксакова*. Т. I, М. 1861, стр. 150, 296 (по второму изданію: М. 1889, стр. 147, 283).

²⁾ Первые два изданія „Обзора“ проф. Владимірскаго-Буданова появились въ 80-хъ годахъ, третье— въ 1900 году. Статьи проф. Ключевскаго напечатаны въ „Русской Мысли“ 1890 г. (январь), 1891 г. (январь) и 1892 г. (январь). Онѣ, съ сожалѣнію, не окончены; нѣкоторымъ продолженіемъ ихъ могутъ служить страницы 377—379 третьяго изданія книги г-на Ключевскаго „Боярская дума древней Руси“ (М. 1902).

чрезвычайною точностью и ясностью мысли подвергъ критикѣ выводы своихъ предшественниковъ въ изученіи соборовъ, далъ правильное опредѣленіе самаго понятія о земскомъ соборѣ, бросилъ новый свѣтъ на обстоятельства происхожденія и прекращенія соборной практики, представилъ впервые строго научный обзоръ дѣятельности соборовъ и ихъ компетенціи,—словомъ, далъ прекрасный очеркъ изучаемаго учрежденія, отвѣчающій всѣмъ требованіямъ ученой критики. Немногимъ позже В. О. Ключевскій поставилъ заново вопросъ о составѣ представительства на земскихъ соборахъ и пришелъ къ выводу, что въ XVI вѣкѣ московская жизнь не знала еще выборнаго представительства въ тѣхъ формахъ, въ какихъ мы его себѣ теперь представляемъ. На соборахъ XVI вѣка „изъ городовъ выборъ“ могъ и не означать выбранныхъ мѣстными обществами представителей; составъ представителей опредѣлялся самимъ московскимъ правительствомъ, которое звало на совѣщаніе тѣхъ провинціальныхъ людей, которыхъ оно само знало и считало способными судить о мѣстныхъ нуждахъ и взглядахъ, хотя никто ихъ къ тому и не выбиралъ и не уполномочивалъ. Мысль о выборномъ сословномъ представителѣ, уполномоченномъ представлять на соборѣ нужды и желанія своихъ избирателей, выработалась среди смуты, въ началѣ XVII в., и соборы при государяхъ новой династіи сложились уже по иному типу. Этотъ выводъ В. О.

Ключевского, принятый затѣмъ и проф. Владимірскимъ-Будановымъ, открылъ смыслъ внутренняго развитія въ жизни соборовъ. Въ исторіи соборовъ обнаружено было извѣстное движеніе, и старый взглядъ, что соборы не пережили своей зачаточной фазы, былъ окончательно осужденъ.

Предлагаемая статья имѣетъ свою цѣлю, воспользовавшись накопившимся въ нашей наукѣ матеріаломъ, представить въ возможно краткомъ очеркѣ изложеніе того, какъ возникли соборы, какія внутреннія перемѣны въ нихъ произошли за время ихъ столѣтняго существованія и какія причины повели къ прекращенію соборовъ. Краткій очеркъ внутренней исторіи соборовъ имѣетъ въ виду познакомить читателя съ самымъ существеннымъ и любопытнымъ въ жизни изучаемаго учрежденія—съ внутреннимъ ростомъ соборной практики и съ обстоятельствами ея паденія.

II.

Для того, чтобы отличить земскій соборъ отъ иного рода собраній или скопищъ, надобно помнить, что соборъ слагался изъ трехъ необходимыхъ составныхъ частей. Во-первыхъ, въ составъ „совѣта всея земли“ входилъ *освященный соборъ* русской церкви съ митрополитомъ, позднѣе патріархомъ во главѣ; освященный соборъ имѣлъ свое собственное устройство

и включался въ соборъ земскій, какъ отдѣльная его часть, дѣйствовавшая по своимъ привычнымъ правиламъ и подававшая свой голосъ особо отъ прочихъ группъ соборныхъ участниковъ. Во-вторыхъ, въ составъ земскаго собора включалась *боярская дума*, составлявшая постоянный совѣтъ государя и сохранявшая въ составѣ собора свое обычное устройство, свою „старину и пошлину“. Дѣйствовавшая обыкновенно нераздѣльно съ монархомъ, дума участвовала съ нимъ въ занятіяхъ собора въ качествѣ руководящаго органа, не смѣшиваясь съ массою собора, а какъ бы возвышаясь надъ нею. И, въ-третьихъ, въ составъ земскаго собора входили *земскіе люди*, представлявшіе собою различныя группы населенія и различныя мѣстности государства. Присутствіе этихъ земскихъ представителей было необходимо для того, чтобы освященный соборъ и дума, составлявшіе вмѣстѣ высшій правительственный совѣтъ, могли превратиться въ „совѣтъ всея земли“. Безъ земскихъ людей „соборъ“ изъ духовенства и бояръ не представлялъ собою „всю землю“ и такъ не назывался; равнымъ образомъ, если въ какомъ-либо совѣщаніи отсутствовала дума или освященный соборъ, то совѣщаніе это—не „земскій соборъ“, а нѣчто другое, чему надо сыскать другое имя. Словомъ, наличность всѣхъ трехъ указанныхъ составныхъ частей есть необходимое условіе для земскаго собора; „отсутствіе одной изъ нихъ дѣлаеть

соборъ не неполнымъ, а невозможнымъ“ (слова проф. Владимірскаго-Буданова).

Соединеніе въ одномъ совѣщаніи думы и духовнаго собора было исконнымъ древнерусскимъ обычаемъ. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ государственной практики и церковной жизни государь съ своимъ „сянклинтомъ“ и митрополитъ (позже—патріархъ) „со властями“ (такъ назывались іерархи) сходились вмѣстѣ и сообща обсуждали подлежащее дѣло. Вопросъ о времени происхожденія земскихъ соборовъ есть въ сущности вопросъ о томъ, когда именно къ экстреннымъ совѣщаніямъ „властей“ и бояръ стали призываться новые совѣтники—„всякихъ чиновъ люди“, взятые изъ среды управляемаго общества. Такъ поставленный вопросъ избавляетъ насъ отъ необходимости разсуждать о томъ, были ли земскіе соборы продолженіемъ и замѣною вѣча, или не были. Всѣ серьезнѣйшіе изслѣдователи сошлись на одномъ мнѣніи, что между вѣчемъ и соборомъ нѣтъ непосредственнаго реального преемства. Шумъ вѣчевыхъ собраній затихъ на Руси раньше, чѣмъ созрѣлъ и окончательно сложился тотъ политическій порядокъ, котораго плодомъ и выраженіемъ были земскіе соборы. Вмѣсто того, чтобы выслѣживать пережитки вѣчевыхъ традицій въ позднѣйшую пору московскихъ порядковъ, основательнѣе будетъ посмотреть, не было ли въ древнѣйшія времена чего-либо напоминающаго земскій соборъ; то-есть, совѣщаній княжескихъ

бояръ и церковныхъ властей съ представителями земщины. Если бы мы нашли такія совѣщанія, то для насъ были бы обнаружены родоначальники изучаемыхъ нами соборовъ и намъ стало бы понятно, что соборы идутъ не отъ вѣчевыхъ традицій, а отъ иной формы княжескаго народосовѣтія.

Мы не будемъ долго останавливаться на извѣстнн лѣтописи подъ 1096 годомъ о томъ, что князья, враждовавшіе съ Ольгомъ Святославичемъ, звали его на миръ такими словами: „Пойди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отецъ нашихъ и предъ людми градскими“. Въ этомъ перечнѣ нельзя, конечно, видѣть ни вѣча, ни земскаго собора. Ученые согласны въ томъ, что это—совѣщаніе „властей“ и думы, къ которому предполагалось привлечь „градскихъ людей“, то-есть, тѣхъ „старѣйшинъ“, которые тогда постоянно призывались въ княжескія совѣщанія. Интересно здѣсь, однако, установить, что и въ эпоху вѣчевыхъ собраній существовали такія независимыя отъ вѣча формы совѣщаній, въ которыхъ правительственный элементъ сходилъ съ земскимъ. Для насъ гораздо важнѣе извѣстіе московскихъ лѣтописныхъ сводовъ подъ 1211 г. о томъ, какъ великій князь Всеволодъ укрѣпилъ за своимъ вторымъ сыномъ Юріемъ, мимо старшаго сына Константина, городъ Владиміръ. „Князь великій Всеволодъ“, говоритъ лѣтопи-

сецъ, „созва всѣхъ бояръ своихъ съ городовъ и съ волостей и епископа Іоана и игумены и попы и купцы и дворяны и вси люди, и да сыну своему Юрью Володимеръ по себѣ“. На первый взглядъ, здѣсь дѣйствуетъ прямой земскій соборъ: и бояре, и „власти“, и „вси люди“, при чемъ на совѣтъ созваны даже лица „съ городовъ и волостей“. И. Е. Забѣлинъ, поддаваясь первому впечатлѣнію, написалъ прямо: „былъ созванъ земскій соборъ, первый по времени (1211 г.)“ ¹⁾. Но свойства приведеннаго извѣстія таковы, что заставляютъ быть осторожными въ выводѣ. Прежде всего, не во всѣхъ лѣтописяхъ дѣло изложено одинаково: есть рассказъ о данномъ дѣлѣ, по которому передача Владиміра Юрью была рѣшена по совѣту однихъ бояръ и епископа. На основаніи этого послѣдняго рассказа проф. Ключевскій склоненъ думать, что при Всеволодѣ не было „всесловнаго собора или земскаго вѣча, ни законодательнаго, ни совѣщательнаго“ ²⁾. На это можно было бы замѣтить, что въ двухъ лѣтописныхъ рассказахъ переданы два разныхъ момента дѣла: сначала съ епископомъ и боярами князь выработалъ рѣшеніе („много совѣтоваша о семъ“); затѣмъ

¹⁾ *И. Е. Забѣлинъ*. Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія („Историч. Вѣстникъ“, 1881, февраль, стр. 256—257).

²⁾ *В. О. Ключевскій*. Боярская дума древней Руси. Изд. 3-е. М. 1902, стр. 46.

на общемъ соборѣ это рѣшеніе получило окончательную санкцію („да сыну своему Юрью“). Но въ извѣстїи о соборѣ все-таки есть нѣчто сомнительное. Оно слишкомъ исключительно для данной эпохи, слишкомъ одиноко: въ лѣтописномъ матеріалѣ удѣльнаго періода не встрѣчается извѣстій, съ нимъ однородныхъ. Невольно является мысль, не перенесъ ли редакторъ даннаго лѣтописнаго свода въ изображаемую эпоху чертъ своего времени? Онъ работалъ въ началѣ XVI вѣка, если не въ концѣ XV-го: въ его пору скорѣе, чѣмъ въ XIII вѣкѣ, могли существовать совѣщанія, подобныя тому, какое онъ изобразилъ въ 1211 году ¹⁾. Мы знаемъ, что въ 1471 году, предъ походомъ на Новгородъ, Иванъ III „разосла по всю братію свою и по *всѣ* епископы земли своея, и по князи и по бояря свои и по воеводы, и по *всѣ* вой своя, и якоже вси сидошася къ нему, тогда всѣмъ возвѣщаетъ мысль свою, что ити на Новгородъ ратію... И *мыслившие* о томъ не *мало* и конечное положыша упованіе на Господа Бога. И князь великій приѣмъ благословеніе отъ митрополита... и отъ *всего* священ-

¹⁾ Въ этомъ извѣстїи Воскресенскаго и лицевого Никоновскаго сводовъ сомнительно для XIII вѣка упоминаніе „дворянъ“ послѣ „купцовъ“. Терминъ „дворяне“, обычный въ московское время, рѣдко встрѣчается въ лѣтописяхъ болѣе раннихъ эпохъ; но и въ нихъ онъ означаетъ княжескихъ слугъ, упоминанія о которыхъ мы ждали бы прежде упоминанія о купцахъ.

наю собора и начать вооружатися ити на нихъ; также и братіа его, и вси князи его и бояря, и воеводы и *вся воя* его". Въ этихъ словахъ предъ нами рисуется картина многолюднаго совѣщанія. Въ немъ участвуетъ „весь священный соборъ“, затѣмъ дума („князи и бояря“) и сверхъ того „воеводы и вся воя“, то-есть, та служилая среда, которая не входила въ составъ постояннаго государева совѣта. Если даже не вѣрить разсказу о соборѣ 1211 г. и считать, что онъ редактированъ лѣтописцемъ позднѣйшимъ, то разсказъ о 1471 годѣ заставляетъ насъ повѣрить тому, что въ XV вѣкѣ Московская Русь знала уже форму народосовѣтія, близкую къ нашему опредѣленію земскаго собора. Правда, земскіе люди на совѣтѣ 1471 года представлены только воеводами и „воями“, то-есть, одними служилыми людьми; но мы увидимъ, что таково или почти таково было представительство и на первыхъ точно намъ извѣстныхъ земскихъ соборахъ XVI столѣтія. Таковъ былъ земскій элементъ и на знаменитомъ Стоглавомъ соборѣ 1551 года, гдѣ вмѣстѣ съ духовными отцами сидѣли „князи и бояре и воини“. Царь Иванъ Васильевичъ, обращаясь къ участникамъ этого собора, зывалъ не къ одному духовенству: „весь священный соборъ (говоритъ онъ) и иноцы и прочіи вси Божіи молебницы, также и братіа моя вси любиміи мои князи, и бояре и воини, и все православное христіанство, помо-

гайте ми и пособствуйте вси единодушно вку-
пѣ!“ Присутствіе на Стоглавомъ соборѣ свѣт-
скихъ чиновъ, и повидимому не однихъ дум-
ныхъ, заставило такого осторожнаго изслѣдова-
теля, каковъ былъ покойный проф. И. Н. Жда-
новъ, признать этотъ соборъ „церковно-зем-
скимъ“¹⁾. Къ тому же заключенію ведетъ и
программа занятій Стоглаваго собора, выходяв-
шая изъ сферы собственно церковныхъ вопро-
совъ въ область государственно-земскую.

Представленные здѣсь примѣры правитель-
ственныхъ собраній, въ составъ которыхъ вхо-
дили, сверхъ обычныхъ освященнаго собора и
боярской думы, еще совѣтники изъ управле-
маго общества, показываютъ намъ, гдѣ намъ
надобно искать предшественниковъ земскихъ со-
боровъ. Ими были не вѣча, а соединенныя со-
бранія „властей“ и боярь съ участіемъ въ нихъ
приглашенных со стороны постороннихъ лицъ.
Если бы удалось показать, что эти сторон-
нія лица были изъ разныхъ общественныхъ
классовъ и почитались за представителей „всехъ
земли“, можно было бы говорить, что мы знаемъ
земскіе соборы еще въ XV вѣкѣ и что ихъ воз-

¹⁾ Объ излагаемыхъ извѣстіяхъ см.: *М. А. Дьяко-
новъ*. Нѣсколько словъ по поводу новаго историко-
юридическаго изслѣдованія (въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“
1885 г. № 3, стр. 173 — 185) и *И. Н. Жданова*.
Церковно-земскій соборъ 1551 года (въ „Историче-
скомъ Вѣстникѣ“ 1880 г., февраль; перепечатано въ
„Сочиненіяхъ И. Н. Жданова“, томъ I, Спб. 1904).

никновеніе, пожалуй, позволительно возводить и на два вѣка далѣе, въ самое начало удѣльной поры. Но въ томъ-то и дѣло, что представительный элементъ въ разсмотрѣнныхъ собраніяхъ слишкомъ неопредѣленъ и случаенъ. Поэтому никто изъ ученыхъ и не рѣшается начать исторію земскихъ соборовъ ранѣе XVI столѣтія. Разсматривая же болѣе ранніе примѣры совѣщаній широкаго состава, ученые (И. Н. Ждановъ и В. О. Ключевскій) подмѣчаютъ, что доминирующее въ нихъ положеніе занимаетъ освященный соборъ, и потому ставятъ вопросъ: „Не имѣлъ ли вліянія, какъ примѣръ и образецъ, на зарожденіе мысли о земскомъ соборѣ и на самую его организацію совѣтъ іерарховъ?“ „Это вліяніе болѣе чѣмъ вѣроятно (говоритъ В. О. Ключевскій), только трудно опредѣлить его степень и указать его слѣды“. „Земскій соборъ (говоритъ И. Н. Ждановъ) появляется въ Московскомъ государствѣ какъ будто незамѣтно; учрежденіе это вырастаетъ на одномъ стволу съ соборомъ церковнымъ“¹⁾. Ходъ мысли нашихъ изслѣдователей, очевидно, таковъ. Освященный соборъ у насъ съ глубокой древности былъ благоустроеннымъ, канонически опредѣленнымъ, учрежденіемъ. Не разъ соборы іерарховъ призывались самою жизнью къ обсужденію государственныхъ вопросовъ и получали

¹⁾ В. О. Ключевскій въ „Русской Мысли“ 1892, I, стр. 143; И. Н. Ждановъ въ „Истор. Вѣстникъ“, 1880, II, стр. 302, и въ „Сочиненіяхъ“ т. I, стр. 368.

государственное значеніе. Сходясь въ такихъ случаяхъ съ „властями“ въ одинъ совѣтъ, свѣтскіе совѣтники государя, его дума, уступали „властямъ“ первое мѣсто и подпадали дѣйствию тѣхъ порядковъ, какими были давно вѣпопъ соборъ „властей“. Такъ сложился типъ совмѣстныхъ совѣщаній „властей“ и думы—подъ вліяніемъ освященнаго собора. Дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ совѣщаній было призваніе въ нихъ людей изъ общества, превратившее эти совѣщанія въ земскій соборъ.

Таковъ наиболѣе вѣроятный генезисъ земскихъ соборовъ. Соборы не возникли внезапно, подъ давленіемъ экстренныхъ событій или подъ вліяніемъ творческой политической мысли; они развились постепенно изъ давнишней правительственной практики, изъ стараго обычая усиливать государевъ совѣтъ совѣтниками изъ „всѣхъ людей“.

III.

Поэтому-то земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ и появились „какъ будто незамѣтно“ (по выраженію проф. Жданова). Первый земскій соборъ, отъ котораго дошелъ до насъ документъ съ точными свѣдѣніями о составѣ собора и его предметѣ, былъ соборъ 1566 года. Составъ его, какъ увидимъ, весьма близокъ къ составу тѣхъ совѣщаній, которыя мы только что наблюдали, и весьма мало походитъ на позднѣйшіе, болѣе благоустроенные земскіе со-

боры XVII столѣтія. По типу своему этотъ земскій соборъ есть нѣчто промежуточное между старымъ совѣщаніемъ широкаго состава и представительнымъ собраніемъ позднѣйшимъ.

Однако, намъ могутъ замѣтить, что, начиная нашу рѣчь о соборахъ соборомъ 1566 года, мы забываемъ знаменитый „соборъ“ 1550 года, на которомъ Грозный искалъ примиренія между „землей“ и боярами, собравъ „свое государство изъ городовъ всякого чину“ и лично обѣщавъ народу правый судъ и оборону. Именно этимъ соборомъ прежде и начинали исторію земскихъ соборовъ на Руси. Въ особыхъ обстоятельствахъ созванія этого собора искали объясненія причинъ возникновенія соборовъ вообще. Верховная власть искала будто бы въ земскомъ представительствѣ опоры противъ боярства съ его бюрократическими злоупотребленіями. Приведенная Карамзинымъ рѣчь Грознаго, произнесенная земскому собору на Красной площади съ Лобнаго мѣста, въ сѣни хоругвей, въ окруженіи духовенства и бояръ, легла въ основаніе яркой психологической характеристики Грознаго, данной славянофилами. Вообще моментъ перваго обращенія царя къ народу въ 1550 году признавался столь важнымъ и знаменательнымъ, что даже попалъ въ учебники. Тѣмъ досаднѣе необходимость разоблачить истину. Разсказъ объ обращеніи царя къ народу на Лобномъ мѣстѣ находится всего въ одной лишь рукописи, въ такъ называемой Степенноѣ

книгъ Андрея Хрущова, и составляетъ въ ней позднѣйшую вставку, сочиненную въ концѣ XVII вѣка или началѣ XVIII-го, на основаніи нѣкоторыхъ литературныхъ пособій. Это—вымыселъ, которому нельзя вѣрить, потому что онъ произволенъ и даже не всегда искусенъ. Если тщательно разобратся въ обстоятельствахъ дѣла ¹⁾, то слѣдуетъ прійти къ заключенію, что въ 1550 году не было никакого особаго собора по дѣлу примиренія бояръ съ „землей“ и никакой рѣчи на Красной площади къ людямъ „изъ городовъ всякого чину“. Гражданскія реформы, которыми былъ занятъ тогда Грозный и о которыхъ онъ говорилъ Стоглавому собору, были обсуждаемы и рѣшаемы на совѣщаніяхъ стараго порядка съ „властями“, боярами и „воинами“. Дѣятельность этихъ совѣщаній хорошо освѣщена въ талантливыхъ статьяхъ покойнаго проф. Жданова, который, не зная еще о подложности разсказа Хрущовской книги, тѣмъ не менѣе ставилъ знаменитую рѣчь Грознаго народу въ рядъ второстепенныхъ и несущественныхъ эпизодовъ преобразовательной дѣятельности Грознаго, и писалъ еще четверть вѣка назадъ: „До 1566 года мы не встрѣчаемъ указаній на созваніе земскаго собора“.

Итакъ, первый достовѣрный земскій соборъ—

¹⁾ Это сдѣлано въ статьѣ П. Г. Васенко „Хрущовскій списокъ Степенной книги“ (въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія“, 1903, апрѣль).

это соборъ 1566 года. Отъ него до насъ дошелъ „приговорный списокъ“ съ именами участниковъ собора и съ изложеніемъ соборныхъ мнѣній и, кромѣ того, лѣтописная запись о соборномъ приговорѣ. Сопоставленіе обоихъ документовъ ведетъ къ точнымъ заключеніямъ о составѣ собора и его дѣятельности ¹⁾. Созванъ былъ соборъ для того, чтобы обсудить желательныя и возможныя условія мира съ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ. Въ составъ собора вошелъ освященный соборъ безъ митрополита („а митрополита у того приговора не было, что Оеонасей митрополитъ въ то время митрополію оставилъ“); духовные отцы этого собора подали особое отъ другихъ чиновъ мнѣніе „всѣ соборнѣ“ и подписали соборный приговоръ, архіереи же сверхъ того приложили свои печати къ приговору. Затѣмъ въ составъ собора вошла государева дума („всѣ бояре“), въ коей сверхъ боярскихъ чиновъ поименованы государевы казначеи и дѣяки. Отъ бояръ послѣдовало также особое по дѣлу мнѣніе. Далѣе въ составѣ собора поименованы: „дворяне первая статья“ (97 человѣкъ), „дворяне и дѣти боярскіе другіе статьи“ (99 человѣкъ), „Торопецкіе и Луцкіе помѣщики“ (9 человѣкъ служилыхъ людей изъ Торопца и Великихъ

¹⁾ Собраніе государств. грамотъ и договоровъ, I, № 192; Русская Историческая Библиотека, III, стр. 277—278.

Лукъ), „діаки и приказные люди“ (33 человекъ). Всѣ эти группы можно разсматривать, какъ представителей служилаго класса. Наконецъ, на соборѣ были „гости и купцы и Смоленяне“ (всего 75 человекъ), о которыхъ лѣтопись дважды выражается: „гости и купцы и *всѣ торговые* люди“. Въ этой группѣ надлежитъ видѣть представителей торгово-промышленнаго класса, ставшаго наверху „тяглыхъ“, то-есть, податныхъ слоевъ московскаго населенія. Если бы этой послѣдней группы не значилось въ числѣ участниковъ собора, мы имѣли бы полное основаніе отнести соборъ къ числу совѣщаній стараго типа, въ которыхъ къ „властямъ“ и думѣ присоединялись одни „воины“, то-есть, служилые люди. Только участіе въ совѣтѣ новаго элемента, „всѣхъ торговыхъ людей“, выдѣляетъ этотъ совѣтъ изъ ряда предшествующихъ совѣщаній XV—XVI вѣковъ. Тѣмъ болѣе близокъ соборъ 1566 года къ старымъ соборамъ, что на немъ мы не видимъ *выборнаго* представительства: нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что земскіе представители явились на соборъ въ силу общественнаго выбора. Самыя обстоятельства той минуты, когда былъ созванъ соборъ, косвенно указываютъ на то, что какъ будто и не было времени требовать и ждать выборныхъ отъ провинцій. Соборъ собрался для обсужденія обстоятельствъ, которыя выяснились въ переговорахъ съ литовскими послами, прибывшими въ Мос-

кву. Переговоры происходили 17—25 июня; соборъ состоялся 28 июня; его приговоръ былъ составленъ 2 іюля; приговоры съ послами продолжались съ 5 іюля ¹⁾. Въ такіе промежутки времени нельзя было и думать о созывѣ выборныхъ изъ разныхъ мѣстъ государства. Очевидно, на соборъ были призваны, въ качествѣ земскихъ представителей, только тѣ дворяне и торговые люди, которые были, такъ сказать, подъ рукою, въ самой Москвѣ.

Однако, если на соборѣ не было выборнаго представительства, все-таки нельзя считать составъ собора случайнымъ. Вѣдь было же какое-нибудь основаніе, по которому изъ всей массы служилаго люда, бывшаго въ Москвѣ, на соборъ позвали съ небольшимъ двѣсти человекъ, а изъ торгово-промышленнаго населенія Москвы всего 75 человекъ. Такое основаніе обнаружено и указано проф. Ключевскимъ. Не при-

¹⁾ Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 71, стр. 336 и слѣд. (Посольство пановъ Хоткевича и Тишкевича). Послы пріѣхали въ Москву 30 мая (стр. 316); переговоры начались 9-го іюня (стр. 353), но получили дѣловой характеръ не ранѣе 17-го іюня, когда бояре съ государемъ приговорили вести дѣло не къ вѣчному миру, а къ перемирію (стр. 377 и 380). Именно о возможныхъ условіяхъ этого перемирія и шла рѣчь на земскомъ соборѣ, какъ это видно изъ боярскаго отвѣта на соборѣ. См. *М. Ключкова* „Дворянское представительство на земскомъ соборѣ 1566 г.“ (въ „Вѣстникѣ Права“, 1904, ноябрь); авторъ не совсемъ точно указываетъ на перерывъ переговоровъ до 12-го іюля.

бѣгая къ выборному началу въ устройствѣ представительства, московское правительство все же желало слышать голосъ „всей земли“, и само позвало на соборъ совѣтниковъ съ такимъ расчетомъ, чтобы они могли представлять собою различныя мѣстности страны и разные слои населенія. В. О. Ключевскій приходитъ къ догадкѣ, что „дворянскихъ представителей подбирали на соборъ, между прочимъ, по ихъ мѣстному значенію, по ихъ положенію среди служилыхъ землевладѣльцевъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ находились ихъ вотчины или помѣстья и къ которымъ они или ихъ отцы были приписаны по службѣ (ранѣе перевода на службу въ самую Москву)“. Иначе говоря, человѣка, служившаго въ Москвѣ, звали на соборъ не спроста, а потому, что онъ имѣлъ ту или иную связь съ какою-либо областью и могъ за нее представлять на соборѣ. Равнымъ образомъ изъ торгово-промышленнаго класса были позваны на соборъ, по словамъ В. О. Ключевского, „сосредоточенные въ столицѣ мѣстные капиталисты“; но это высшее столичное купечество, собранное въ Москву со всей страны, представляло на соборѣ всѣ низшіе слои своего класса, и московскіе и провинціальныя, почему лѣтопись и называетъ его „всѣми торговыми людьми“. Мы не будемъ останавливаться на изложеніи того метода, которымъ проф. Ключевскій пришелъ къ своему цѣнному выводу, но отмѣтимъ, что этотъ вы-

вѣдь даетъ намъ новую точку зрѣнія на соборъ 1566 года. Прежде этотъ соборъ считался неполнымъ въ томъ смыслѣ, что на немъ была представлена не вся земля, а столица да два-три провинціальныхъ города; зато бывшіе на соборѣ представители считались выборными, каждый отъ своего чина и мѣста. Теперь мы отрицаемъ присутствіе выборнаго начала на этомъ соборѣ, но признаемъ, что призванные на соборъ общественные представители были подобраны такъ, что представляли собою въ глазахъ правительства цѣлые десятки уѣздовъ и городовъ и всѣ важнѣйшіе „чины“ свободнаго населенія государства. Поэтому соборъ и можетъ почитаться „земскимъ“, представляющимъ собою „всю землю“. Только въ соборномъ представителѣ надлежитъ видѣть, по выраженію г. Ключевского, „не столько *уполномоченнаго* какой-либо сословной или мѣстной корпораціи, сколько *призваннаго* правительствомъ отъ такой корпораціи“. „Соборъ 1566 года (продолжаетъ г. Ключевскій) былъ въ точномъ смыслѣ совѣщаніемъ правительства съ своими собственными агентами“. Въ этомъ отношеніи, прибавимъ мы, соборъ 1566 года совершенно походилъ на старыя совѣщанія XV—XVI вв., на которыхъ являлись въ качествѣ экстренныхъ совѣтниковъ представители мѣстной администраціи. Отличался же соборъ 1566 года отъ старыхъ совѣщаній тѣмъ, что имѣлъ общеземскій характеръ. Впервые мы видимъ въ

немъ опытъ представительства—хотя бы и своеобразный опытъ—за всю страну и за всѣ классы свободнаго населенія. Въ этомъ-то и заключается важное значеніе собора 1566 г. въ исторіи земскихъ соборовъ.

IV.

Другихъ соборовъ такого же состава, какъ соборъ 1566 года, мы въ царствованіе Грознаго болѣе не видимъ. Зато можемъ указать, что старая форма совѣщаній „властей“ съ „синклитомъ“ не была забыта. Соборъ о церковныхъ и монастырскихъ вотчинахъ 1580 года имѣлъ именно такую форму. Съ царемъ Иваномъ и съ царевичемъ Иваномъ митрополитъ Антоній „со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣмъ царскимъ синклитомъ“ уложили свой приговоръ по дѣлу. Такое же соединеніе высшихъ учрежденій, собора и синклита, произошло тотчасъ послѣ смерти Грознаго, когда его преемникъ, царь Феодоръ и митрополитъ Діонисій 28 іюля 1584 г. уложили, „чтобъ впередъ тарханомъ не быти“¹⁾. Для насъ важно отмѣтить, что вѣковой обычай „смѣстныхъ“ засѣданій „властей“ и бояръ по важнѣйшимъ государственнымъ и церковнымъ дѣламъ не былъ вытѣсненъ изъ жизни новою формою земскаго собора. Мы увидимъ, что въ

¹⁾ Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ, I, № 200 и № 202. „Тарханы“—льготы, принадлежавшія крупнымъ землевладѣльцамъ въ сферѣ податей и повинностей.

XVII вѣкѣ значеніе этого вѣкового обычая какъ бы воскресло съ новою силою, и послѣ 1653 г. соборы „властей“ и бояръ замѣнили собою вышедшіе изъ обычая земскіе соборы.

Съ другой стороны, намъ важно отмѣтить въ эпоху Грознаго существованіе еще одного типа совѣщаній, примѣненнаго при обсужденіи вопроса о лучшемъ способѣ обороны южной границы государства отъ набѣговъ татаръ. Известно, что все лѣто 1570 года татары безпокоили южную Московскую Украину, и отношенія Москвы и Крыма испортились. Подъ вліяніемъ татарскихъ угрозъ московское правительство поставило себѣ задачей „поустроить станицы и сторожи“, то-есть, привести въ порядокъ и улучшить ту сѣть сторожевыхъ разъѣздовъ и неподвижныхъ наблюдательныхъ постовъ, которая давно была раскинута на южной украинѣ государства и оказывалась теперь не вполне состоятельной. Дѣло было поручено боярину князю М. И. Воротынскому. Въ началѣ января 1571 года онъ потребовалъ себѣ „прежніе списки“ сторожевыхъ постовъ и разъѣздовъ и распорядился вызвать изъ южныхъ городовъ въ Москву опытныхъ въ сторожевой службѣ лицъ, „которые прежь сего ѣзживали (сторожить по украинѣ) лѣтъ за десять или за пятнадцать“. Эти лица, „изъ всѣхъ украинныхъ городовъ дѣти боярскіе, станичники и сторожи и вожи, въ генварѣ, а иные въ февралѣ къ Москвѣ всѣ съѣхались“ О нихъ было доложено

государю, и онъ велѣлъ Воротынскому ихъ „распросити“ и съ ними составить новый планъ сторожевой охраны границъ. Въ исполненіе этого приказа Воротынскій „съ дѣтьми боярскими, съ станичными головами и съ станичниками и съ вожи (то-есть, съ проводниками)“ въ февралѣ 1571 года постановилъ рядъ „приговоровъ“, опредѣлявшихъ новый порядокъ сторожевой службы, мѣста расположенія наблюдательныхъ пунктовъ („сторожъ“) и маршруты сторожевыхъ разъѣздовъ („станецъ“). Возникавшіе при этой технической работѣ административные вопросы передавались боярской думѣ, которая и разрѣшала ихъ своими „приговорами“¹⁾. Такимъ порядкомъ выработанъ былъ цѣлый сводъ правилъ украинной службы, цѣлесообразность которыхъ была оправдана дальнѣйшимъ ходомъ событій на украинѣ. Въ этой любопытной комиссіи знатоковъ пограничныхъ мѣстъ и сторожевой службы мы имѣемъ примѣръ обращенія правительства къ свѣдущимъ людямъ за техническими свѣдѣніями и совѣтомъ въ дѣлѣ ихъ специальности. Свѣдущіе люди, призванные въ Москву, дѣйствуютъ подъ руководствомъ боярина и находятся въ ближайшемъ вѣдѣніи боярской думы. Попадаютъ они въ составъ комиссіи по выбору и указанію правительства, а

¹⁾ Документы, относящіеся къ этому дѣлу, изданы въ „Актахъ Московскаго Государства“, т. I. (Спб. 1890), №№ 1—14.

не вслѣдствіе полномочій отъ мѣстныхъ корпорацій.

Итакъ, рядомъ съ новою формою народосо-вѣтія, земскимъ соборомъ, въ XVI вѣкѣ существовали старыя „соборы“ духовныхъ властей съ боярами и комиссіи свѣдущихъ людей при боярской думѣ. Всѣ эти три вида совѣщаній перешли и въ XVII вѣкѣ. Ни въ одномъ изъ нихъ практика XVI столѣтія не выработала выборнаго представительства, и участники этихъ совѣщаній приходили на совѣтъ не уполномоченные тѣми земскими мірами, которые они иногда представляли въ глазахъ призывавшаго ихъ правительства.

Начало выборнаго представительства стало примѣняться въ московскомъ обществѣ только на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ, а первые его твердые опыты заставило произвести Смутное время.

V.

Первыхъ представителей по выбору мѣстныхъ обществъ проф. Ключевскій видитъ на земскомъ соборѣ 1598 года, избравшемъ въ царя Бориса Годунова. Составъ этого собора г. Ключевскій признаетъ однороднымъ съ составомъ собора 1566 года по основанію представительства и значенію представителей, въ огромномъ большинствѣ призванныхъ, а не избранныхъ на соборъ. Но въ массѣ представителей, явившихся на соборъ въ силу сво-

его должностного положенія во главѣ служеб-ныхъ или торгово-промышленныхъ организацій, г. Ключевскій различаетъ группу дворянъ, названныхъ въ перечнѣ соборныхъ участниковъ общимъ наименованіемъ „изъ городовъ выборъ“. Ихъ всего 34. Слово „выборъ“ въ приложеніи къ служилымъ людямъ тогда могло значить не „выборные отъ городского дворянства“, а „отборные изъ состава городскихъ дворянъ“. Нѣкоторое число такихъ „отборныхъ“ дворянъ призывалось въ то время изъ городовъ на постоянную столичную службу на срокъ до трехъ лѣтъ. Именно такіе „отборные“, а не выборные, и могли разумѣться въ соборномъ спискѣ. Однако, проф. Ключевскій рядомъ соображеній приводитъ читателя къ выводу, что эти 34 человекъ „были выборные депутаты провинціального дворянства, а не провинціальныя дворяне выборнаго чина, прямо призванные на соборъ по должностному положенію, какое они занимали въ минуту призыва“. Можно признать этотъ выводъ за правильный, и тогда можно повторить за г. Ключевскимъ, что „присутствіе выборныхъ представителей впервые становится замѣтно на послѣднемъ земскомъ соборѣ XVI вѣка и первымъ классомъ, которому досталось такое представительство, было провинціальное дворянство“. Но можно и усомниться въ томъ, что въ Москвѣ въ 1598 году, составляя соборъ изъ 500 человекъ по старому принципу долж-

ностного представительства, предоставили новое право быть выборными представителями всего трех десяткамъ провинціальныхъ дворянъ. Въ случаѣ такого сомнѣнія, придется отодвинуть возникновеніе выборнаго представительства у дворянъ всего на семь лѣтъ позднеѣ. Интересъ, какой для насъ представляетъ въ настоящую минуту соборъ 1598 года, заключается не въ этомъ вопросѣ о порядкѣ представительства, а въ томъ, что изслѣдованіе В. О. Ключевскаго окончательно установило правильность организаціи земскаго собора 1598 года. Въ прежнее время историки (И. Д. Бѣляевъ, Н. Н. Костомаровъ) съ легкимъ сердцемъ объявляли этотъ соборъ игрушкою въ рукахъ Бориса и недостойною комедіей; теперь г. Ключевскій доказалъ, что „въ составѣ избирательнаго собора нельзя подмѣнить никакого слѣда выборной агитаціи или какой-либо подтасовки членовъ“. Если вѣрить современнымъ сообщеніямъ о такой агитаціи, то надо, вмѣстѣ съ г. Ключевскимъ, сказать, что „подстроень былъ ходъ дѣла, а не составъ собора“. Изъ недавно обнаруженныхъ матеріаловъ, польскихъ и нѣмецкихъ по преимуществу, относящихся къ избранію Бориса, стало хорошо видно, кто и какъ хотѣлъ вліять на ходъ дѣла въ 1598 году. Борьба за престолъ шла тогда главнымъ образомъ между Борисомъ Годуновымъ и Федоромъ Никитичемъ Романовымъ, и обѣ стороны одинаково упорно стремились къ вла-

сти и побѣдѣ; однако, нѣтъ ни одного указанія на то, чтобы кто-нибудь изъ нихъ пытался нарушить законную форму собора ¹⁾). Соборъ составленъ былъ такъ, какъ указывала традиція, по тому типу, какой былъ данъ соборомъ 1566 года, и съ значительной полнотою представительства, при чемъ на соборъ прошла въ большомъ числѣ московская знать, чуждая и враждебная Борису, и въ незначительномъ количествѣ та общественная среда, въ которой Борисъ имѣлъ популяриность и которую поляки означали однимъ словомъ „поспѣльство“ (простонародье) въ противоположность панству (боярству). Соборъ по характеру представительства былъ аристократическимъ и столичнымъ; такой его составъ, судя отвлеченно, слѣдуетъ признать мало благопріятнымъ для Бориса и во всякомъ случаѣ менѣе благопріятнымъ для него, чѣмъ для Романовыхъ. Правильно составленный земскій соборъ съ формальной стороны совершенно правильно отдалъ вѣнецъ Борису не потому, чтобы былъ подтасованъ въ своемъ составѣ, а потому, что былъ приведенъ къ убѣжденію въ необходимости такъ поступить. Возможна различная оцѣнка политики собора, но невозможно сомнѣніе въ ея правомѣрности и въ правильности самого со-

¹⁾ Обстоятельства избирательнаго періода 1598 г. изложены въ моей книгѣ „Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ“ (глава III, § 3).

бора. А это очень важно для моральной оцѣнки изучаемаго нами учрежденія.

Кончая свою рѣчь о соборахъ XVII вѣка, В. О. Ключевскій осторожно замѣчаетъ, что „въ составѣ соборовъ XVI вѣка мало замѣтенъ выборный элементъ, *если* только онъ присутствовалъ“. Первое прямое указаніе на его присутствіе, по мнѣнію г. Ключевскаго, относится къ 1605 году и читается у иностранцевъ, наблюдавшихъ московскіе порядки при Самозванцѣ. Здѣсь мы разойдемся съ г. Ключевскимъ въ томъ, что предпочтемъ неопредѣленнымъ указаніямъ иноземцевъ русское, и притомъ официальное, свидѣтельство 1606 года. Оно таково. При Самозванцѣ, какъ извѣстно, были оказаны большія милости помѣстному дворянству: дворянъ по городамъ верстали землями и отдѣляли деньгами „для его государева царскаго вѣнца (коронаціи) и многолѣтняго здоровья“. Въ связи, очевидно, съ этимъ верстаньемъ весною 1606 года было послано изъ Москвы въ Деревскую пятину распоряженіе: „Велѣно дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ изъ Деревскіе пятинны избрати дворянъ и дѣтей боярскихъ къ Москвѣ съ челобитными о помѣстномъ верстаньи и о денежномъ жалованьи и бити челомъ государю царю и великому князю Дмитрію Ивановичу“. Мы не знаемъ, состоялись ли выборы и ѣздили ли выборные въ Москву отъ Деревской пятинны; не знаемъ и того, были ли вызываемы выборные изъ другихъ областей и

предполагалось ли ихъ соединеніе въ Москвѣ въ одну коллегію. Но передъ нами безспорный фактъ: Москва требуетъ представителей отъ мѣстнаго дворянскаго общества и указываетъ порядокъ ихъ назначенія—общественный выборъ; для чего бы ни требовались эти лица въ Москву, они—выборные представители своего класса ¹⁾. Вполнѣ возможно предположеніе, что такое требованіе выборныхъ отъ помѣстнаго дворянства случилось именно при Самозванцѣ по той причинѣ, что дворъ Самозванца былъ подъ сильнымъ вліяніемъ литовско-польскимъ. Какъ самъ Самозванецъ, такъ и его друзья, получившіе вліяніе въ Москвѣ, легко перенесли на московскую почву литовско-польскія понятія. Какъ „дума“ превратилась на ихъ языкѣ въ „раду“, а „бояре“ въ „сенаторовъ“ („ordo senatorum“), такъ дворянскій представитель получилъ въ ихъ глазахъ видъ земскаго посла, избираемаго шляхтою въ повѣтахъ и воеводствахъ для посылки отъ мѣстнаго сеймика на государственный сеймъ. Какъ шляхта изъ своей среды *выбирала* „людей бачныхъ и ростропныхъ“ (разсудительныхъ и благоразумныхъ), такъ и дворяне должны были *выбрать* своихъ представителей для посылки въ Москву. Разумѣется, это лишь догадка; но она позво-

¹⁾ Акты юридическіе, Сиб. 1838, № 365. С. Платоновъ, Очерки по исторіи смуты, глава IV, § 2 и примѣч. 101.

лительна потому, что освѣщаетъ намъ нѣсколько тотъ кругъ понятій и идей, въ которомъ легче всего могла оформиться мысль о выборномъ порядкѣ служилого представительства въ Московскомъ государствѣ ¹⁾. Что касается до выборнаго представительства московскихъ тяглыхъ классовъ, то врядь ли оно нуждалось въ примѣрѣ Рѣчи Посполитой. Выборное начало издавна процвѣтало въ общественной жизни московскихъ податныхъ общинъ. Можно не сомнѣваться, что присутствовавшіе на соборѣ 1598 года старосты и сотскіе купеческихъ и черныхъ сотенъ были мірскіе выборные люди: но они были избраны не для собора, а для веденія хозяйственно-податныхъ дѣлъ своихъ сотенъ: на соборѣ же они являлись, вѣроятно, по своимъ должностямъ, а не по особому мірскому полномочію. Въ Смутное время, вынужденныя къ самостоятельности политическою безурядицею, тяглыя общины сами перенесли выборное начало изъ хозяйственной въ политическую сферу и создали представительство, которымъ и воспользовалась поздиѣ государственная власть.

VI.

Переходимъ къ поворотному моменту въ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ—къ Смутному времени.

¹⁾ Выбираемые въ XVI вѣкѣ дворянами въ уѣздахъ „окладчики“ не кажутся намъ представителями корпораціи; это эксперты, необходимые администраціи для точнаго учета служебныхъ силъ уѣзда, и только.

Въ Смутное время мы видимъ слѣдующіе земскіе соборы: соборъ стараго тиша, созванный въ іюнь 1605 года для суда надъ Шуйскими и намъ очень мало извѣстный: избирательный соборъ 1610 года, важный потому, что его хотѣли образовать по новому началу выборнаго представительства, „сослався съ городами“; собраніе ратныхъ уполномоченныхъ въ подмосковномъ лагерѣ 1611 года, почитавшее само себя за „совѣтъ всея земли“; соборъ въ нижегородскомъ ополченіи 1612 года и, наконецъ, избирательный соборъ 1613 года. Изъ этихъ пяти соборовъ нѣтъ нужды говорить о первомъ, повторившемъ повидимому образцы XVI вѣка: бесѣды же объ остальныхъ необходимо предположить нѣкоторыя предварительныя замѣчанія. Они помогутъ намъ уяснить себѣ, какимъ образомъ въ теченіе немногихъ лѣтъ практика представительства въ странѣ могла сдѣлать столь значительные шаги впередъ и на соборѣ 1613 г. явилась уже съ большимъ развитіемъ.

Податное самоуправленіе „тяглыхъ“ общинъ въ московской Руси было „неконкретнымъ“ явленіемъ. Князь налагалъ на общину общую сумму податныхъ платежей: разнести эту сумму по частямъ на отдѣльныя податныя хозяйства было дѣломъ самой общины. Изъ этого дѣла вытекала необходимость извѣстнаго мірскаго устройства, такого, которое бы позволило распредѣлить податное бремя равномерно на всѣхъ членовъ общины и собрать во-время податные

*

взносы отъ отдѣльныхъ плательщиковъ. Дѣла-лось это посредствомъ выборныхъ „земскихъ старостъ“, ведшихъ мѣрное хозяйство. Въ сере-динѣ XVI вѣка правительство Грознаго нашло возможнымъ передать мѣстнымъ податнымъ мѣрамъ всѣ функціи мѣстнаго управленія: и по-лицію, и судъ, и финансы: если община просила о дарованіи ей самоуправленія, правительство уже не назначало въ данную мѣстность своего намѣстника, а разрѣшало мѣстному населенію самому избрать изъ своей среды административный штатъ и самому вѣдать какъ податныя дѣла, такъ и судъ и администрацію въ своей волости. Размѣры самоуправлявшихся волостей бывали иногда очень велики. Такъ, Важская „земля“, или Важскій уѣздъ, получившій въ 1552 году право самоуправленія, охватывала бассейны р. Ваги, большого притока Сѣв. Двины. Этотъ старый „уѣздъ“ соответствовалъ двумъ нынѣшнимъ—Шенкурскому и Вельскому, и дѣлился тогда на семь становъ. Дѣлаясь въ такомъ составѣ округомъ самоуправленія, Вага получала право избрать двѣ коллегіи уполномо-ченныхъ „о всякихъ дѣлахъ земскихъ управ-ляющихъ“—одну для Шенкурской, другую для Вельской половины уѣзда. Понятно, что каж-дый членъ такой коллегіи являлся въ ней какъ бы представителемъ той части уѣзда (посада, стана, волости), которая его выбрала и уполномо-чила. Кругъ дѣлъ такихъ коллегій былъ очень широкъ, и „излюбленная голова“, „су-

дейки“ и „старосты“ иногда превращались въ мѣстное представительное собраніе не только по текущимъ дѣламъ, но и по дѣламъ особымъ. Такъ, въ XVII вѣкѣ намъ извѣстенъ случай, когда въ городѣ Устюгѣ собрались изъ уѣзда всѣхъ волостей выборные люди и составили челобитье государю о томъ, чтобы отдѣлить ихъ крестьянское самоуправленіе отъ городского и учредить всеуѣздную земскую избу отдѣльно отъ посадской избы города Устюга. Ихъ челобитье было удовлетворено, несмотря на противодѣйствіе горожанъ. Если мы будемъ помнить, что такого рода земскія учрежденія существовали на всемъ московскомъ сѣверѣ и не только въ черныхъ (государственныхъ) тяглыхъ общинахъ, но и на частновладѣльческихъ земляхъ, монастырскихъ и боярскихъ,—то мы поймемъ, что выборное начало было хорошо извѣстно московскому обществу. Нельзя поэтому удивляться той роли, какую стали себѣ усваивать земскія организаціи московскаго сѣвера въ Смутное время. Царь Василій Шуйскій, растерявъ въ борьбѣ съ Тушинскимъ воровъ свои обычныя воинскія средства, сталъ искать экстренныхъ, и между прочимъ сталъ возбуждать къ дѣятельности сѣверное населеніе, прося его своими силами отстаивать свои мѣста отъ тушинцевъ, а если будетъ возможно, то идти черезъ Ярославль на помощь Москвѣ. Здѣсь ясенъ расчетъ на дѣйствіе мѣстныхъ организацій; но еще яснѣе сказанъ этотъ расчетъ въ мѣропріятіяхъ князя

М. В. Скопина-Шуйскаго, посланнаго царемъ Василіемъ въ Новгородъ за войскомъ. Изъ Новгорода черезъ Каргополь и еще чаще черезъ Вологду, Скопинъ входилъ въ сношенія съ сѣверными тяглыми мірами отъ Перми до Соловковъ, посылалъ туда своихъ агентовъ, давалъ руководящія указанія и объединялъ дѣятельность городскихъ и волостныхъ міровъ, направляя ее къ освобожденію Москвы отъ Тушина. Сѣверъ воодушевился. Изъ многихъ мѣстъ земскія рати, собранныя и снабженныя тяглыми общинами, становились подъ начальство излюбленныхъ міромъ „головъ“, служилыхъ людей и не служилыхъ, даже вдовыхъ поповъ, и шли на югъ, на бой противъ „воровъ“. За ними оставались въ тылу, руководя подходомъ и собирая новыя дружины и средства для борьбы, мірскіе совѣты или обычного состава, изъ старостъ и „лучшихъ людей“, или же составленные особымъ порядкомъ. Въ Вологдѣ, которая по многимъ причинамъ получила значеніе одного изъ главныхъ центровъ земскаго движенія, образовался совѣтъ особенный совѣтъ. Зимой 1608—1609 года въ Вологдѣ собралось много иностранныхъ купцовъ и „всеѣ лучшіе люди, московскіе гости“; они ѣхали съ товарами и казною изъ Архангельска въ Москву и, не понавъ туда по причинѣ смутъ и осады Москвы тушинцами, зазимовали въ Вологдѣ. Узнавъ объ этомъ, царь Василій приказалъ вологодскимъ воеводамъ привлечь къ дѣлу обороны Вологды этихъ инозем-

цевъ и гостей: выборные отъ нихъ должны были участвовать въ руководствѣ военными дѣйствіями „съ головами и ратными людьми въ думѣ за одинъ“.

Въ одной „думѣ“, стало быть, сошлись представители разныхъ слоевъ мѣстнаго населенія, а не одни тяглые люди мѣстной податной общины. Двумя годами поздиѣе, когда правительственный порядокъ въ странѣ исчезъ вовсе и области были предоставлены самимъ себѣ, такіе общесловные совѣты образовались по всеѣмъ крупнымъ городамъ сѣвера. Они не только вѣдали оборону своего города, но стремились къ освобожденію Москвы отъ враговъ и вступали въ письменныя сношенія съ другими городскими мірами съ цѣлью достигнуть общеземскаго согласія и устройства. Особеннымъ краснорѣчіемъ отличался ярославскій совѣтъ, грамоты котораго, отлично написанныя, свидѣтельствуютъ, что ярославскій „міръ“ считалъ себя въ ту минуту (1611 г.) средоточіемъ всеѣхъ сѣверныхъ областей. Изъ этихъ грамотъ, подписанныхъ мірскими совѣтниками, мы видимъ, что въ ярославскомъ совѣтѣ участвовали люди всеѣхъ сословій: духовенство, дворяне, посадскіе люди. Такъ было и въ другихъ городахъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ, напримѣръ, всеѣмъ міромъ, отъ архимандритовъ и воеводъ до стрѣльцовъ и служилыхъ иноземцевъ, снаряжали гонцовъ къ патріарху Гермогену съ „совѣтными челобитными“. Отъ всесловныхъ совѣтовъ въ отдѣль-

ныхъ городахъ былъ одинъ шагъ до совѣтовъ нѣсколькихъ городовъ, и этотъ шагъ былъ сдѣланъ. Въ томъ же 1611 году городскіе міры усвоили обычай посылать „для добраго совѣта“ въ другіе города своихъ представителей. Такъ, знаменитый рязанскій воевода Ляпуновъ послалъ въ Нижній „для договора“ дворянина Биркина съ дьякомъ, дворянами и всякихъ чиновъ людьми, а въ Калугу своего племянника съ дворянами. Изъ Казани на Вятку ѣздили послами сынъ боярскій, два стрѣльца и посадскій человекъ. Пермь отравила двухъ „посыльщиковъ“ въ Устюгъ „для совѣту о крестномъ цѣлованьи и о вѣстехъ“. Изъ Галича на Кострому „для добраго совѣта“ прислали дворяне одного дворянина, а посадскіе люди одного посадскаго человека. Изъ Ярославля „отъ всего города“ дворянинъ да посадскій человекъ посланы были въ Вологду. Изъ Владимира въ Суздаль отравили „на совѣтъ“ дворянъ и посадскихъ „лучшихъ“ людей. Словомъ, посылка представителей, выбранныхъ мѣстными обществами, изъ одного города въ другой стала обычаемъ, и соединеніе въ одномъ всеословномъ „совѣтѣ“ представителей нѣсколькихъ областей образовалось естественно вслѣдствіе исключительныхъ событій Смутной эпохи. Мѣстная самоуправляющаяся община съ своей выборной „земской избою“ служила какъ бы основою, на которой возникалъ сначала всеословный совѣтъ „всего города“, а затѣмъ со-

вѣтъ и нѣсколькихъ городовъ, образуемый выборными всѣхъ слоевъ свободнаго населенія, именно духовенства, дворянства и тяглыхъ людей. На этой же основѣ возникъ и выборный „совѣтъ всея земли“—въ тотъ моментъ, когда совѣтные люди изъ городовъ соединились впервые въ общеземскомъ соборѣ. Произошло это не сразу, но очень скоро, въ 1610—1612 г.

VII.

Лѣтомъ 1610 года царю Василию Шуйскому, по старому выраженію, былъ „обрядъ“: его лишили власти и постригли въ монахи. На его мѣсто московскіе бояре желали избрать государя „всѣмъ за одинъ, всею землею, со славою со всеми городами“. Изъ Москвы въ іюль 1610 г. пошли въ города, даже самые дальніе, грамоты съ приглашеніемъ прислать къ Москвѣ „изъ всѣхъ чиновъ выбравъ по человѣку“ для избранія царя. Въ первый разъ мы видимъ такія призывныя грамоты, которыя требуютъ *выборныхъ* представителей отъ *всѣхъ* чиновъ для участія въ соборѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тогда, помимо всякихъ отвлеченныхъ соображеній о выборномъ принципѣ представительства (если только они были), на выборное начало указывала вся практика сѣверныхъ городовъ за послѣдніе годы, содѣйствовавшая освобожденію Москвы отъ Тушина. Но исключительныя обстоятельства той минуты помѣшали земщине воспользоваться московскимъ при-

глашеніемъ, и Москва, осажденная и поляками и Воротъ, не получила областныхъ представителей. Черезъ мѣсяць послѣ приглашенія выборныхъ, въ августѣ 1610 года, боярская дума свидѣтельствовала сама, что въ Москву „изъ городовъ посямѣста никакіе люди не бывали“. Между тѣмъ земскій соборъ былъ необходимъ боярамъ для того, чтобы утвердить избраніе предложеннаго „царя“ Владислава Сигизмундовича. Тогда, повидимому, въ Москвѣ составили земскій соборъ старымъ порядкомъ: къ „властямъ“ и думѣ присоединили московскихъ дворянъ и людей придворныхъ чиновъ, затѣмъ человекъ около 40 „дворянъ съ городовъ, которые служатъ по выбору“ (какъ было на соборѣ 1598 года), и, наконецъ, выборныхъ отъ московскаго торговаго и тяглаго населенія. Соборъ оказался, по старымъ понятіямъ, правильнымъ и правомочнымъ. Поэтому московскіе послы къ Сигизмунду объ избраніи Владислава говорили, что Владиславъ избранъ не одними боярами, а „всеми людьми“. Они отказывались повиноваться приказамъ боярской думы, потому что бояре, по словамъ пословъ, ишутъ къ намъ один, мимо патріарха и всего освященнаго собора и не по совѣту всеѣхъ людей Московскаго государства“. Послы же считали себя уполномоченными именно отъ всего земскаго собора: „а отъ однихъ бы бояръ (говорилъ кн. Голицынъ) я, князь Василій, и не поѣхать“. Считая себя послами собора, стар-

шіе послы, правя свое посольство подъ Смоленскомъ, собирали на совѣтъ къ себѣ прочихъ членовъ соборнаго посольства и во вражескомъ лагерѣ устраивали нѣчто въ родѣ маленькаго „совѣта всея земли“, говоря литовско-польскимъ дипломатамъ, что они безъ общаго совѣта ничего не предпринимаютъ и не рѣшаютъ. Въ словахъ и поступкахъ соборнаго посольства мы впервые слышимъ отъ московскихъ людей признаніе непререкаемаго авторитета земскаго собора и свидѣтельство того, что въ безгосударное время не бояре и даже не патріархъ, а лишь „вся земля“ и „совѣтъ всѣхъ людей“ имѣеть значеніе верховной власти. Съ тѣхъ поръ, говоря словами В. О. Ключевского, „о земскомъ соборѣ думаетъ каждое возникающее правительство, каждая новая политическая комбинація цѣпляется за него, какъ за источникъ власти и необходимую опору порядка; среди общаго броженія образъ земскаго собора все явственнѣе очерчивается въ смущенныхъ умахъ, и этотъ образъ не похожъ на земскій соборъ прежняго времени“. Въ 1610 г. въ Москвѣ хотѣли, но не могли создать выборное представительство, „сослався съ городами“. Въ 1611—1612 гг. сами „города“ усѣбли изъ знакомыхъ имъ формъ мѣстнаго выборнаго представительства создать выборный „совѣтъ всея земли“ и передать въ его руки верховное руководство дѣлами страны.

Кандидатура королевича Владислава на мо-

сковскій престолъ не удалась. Сигизмундъ не принялъ московскихъ условій, а московскіе люди не приняли его власти на иныхъ условіяхъ. Занятая польскимъ гарнизономъ Москва подверглась осадѣ со стороны земскихъ ополченій, желавшихъ изгнать „литву“ и выбрать всю землю новаго государя. Со всѣхъ сторонъ къ Москвѣ подходили отряды народныхъ войскъ, въ которыхъ группировались три общественныхъ слоя: во-первыхъ, московскіе люди стараго порядка, ранѣе державшіеся Шуйскаго, во-вторыхъ, ратные люди, тушинцы, со смертью Тушинскаго вора потерявшіе предводителя и программу дѣйствій, и въ-третьихъ, казачьи скопища. Изъ многихъ вождей перваго слоя выделялся Проконій Лянуновъ, втораго— князь Дм. Т. Трубецкой, а третьяго—Заруцкій. Когда всѣ отряды московскаго войска установились подъ Москвою въ постоянныхъ лагеряхъ, „таборахъ“, обжились и осмотрѣлись въ исключительной обстановкѣ осадной войны, то московскіе люди поняли, что имъ необходима какая-либо прочная организація. За осадною ратью была вся Русь, которая потеряла обычное свое правительство, плѣненное въ Москвѣ поляками, и которой надо было дать новые органы управленія. Ратнымъ людямъ мало было устроиться самимъ, но надо было „строить“ и самую землю. Послѣ нѣкоторыхъ разрозненныхъ попытокъ въ этомъ направленіи, названные воеводы рѣшили общимъ совѣтомъ

обдумать ратный и земскій порядокъ и собрали 29—30 июня 1611 года въ своемъ ратномъ станѣ „всю землю“. Приговоръ всей земли 30-го июня и дать нѣкоторую возможность судить о томъ, что это быть за ратный совѣтъ. Судя по тексту приговора, въ составъ совѣта вошли представители разныхъ частей подмосковной рати, а не разныхъ городовъ и уѣздовъ государства. Но такъ какъ ратные отряды представляли собою свои города и уѣзды, то ратный совѣтъ почиталъ себя представителемъ не одного ополченія, но всей земли, и дѣйствовать за все государство, называя себя совѣтомъ всея земли и дѣлая постановленія общегосударственнаго характера. Онъ установилъ подъ Москвою новыя государственныя учрежденія, „приказы“, административныя, финансовыя и судебныя, и сдѣлалъ рядъ распоряженій по служилому землевладѣнiю и мѣстному управленiю. Эти учрежденія и распоряженія упразднили прежнее московское правительство, запертое въ осажденной Москвѣ, и отмѣнили все признанныя неудобными, ранѣе дѣйствовавшія законоположенія. Словомъ, „совѣтъ всея земли“ считалъ себя въ правѣ распоряжаться судьбами всей страны и видѣлъ въ себѣ самомъ законнаго выразителя народной мысли и воли.

Однако, намъ нельзя видѣть въ этомъ совѣтѣ нормальнаго земскаго собора. Онъ состоялъ изъ ратныхъ людей, большинство кото-

рыхъ принадлежало къ служилому классу и лишь нѣкоторая часть вышла изъ рядовъ городского и уѣзднаго податного класса, пославшаго подъ Москву свои дружины. Но эти представители городского населенія могли сами не быть горожанами и „мужиками“, а всего вѣрнѣе, что въ огромномъ большинствѣ были тоже служилыми людьми, только „излюбленными“, то-есть, выбранными въ „головы“ къ тяглымъ ратямъ тяглыми людьми. По крайней мѣрѣ, нѣтъ ни одного упоминанія о выборныхъ тяглецахъ въ составѣ ратнаго собора 1611 года, и это дастъ намъ основаніе сказать, что земскіе представители на этомъ соборѣ, если и представляли оба сословія, служилое и тяглое, сами принадлежали только къ первому. О составѣ совѣта 1611 года какъ лѣтописецъ, такъ и самый приговоръ 30 іюня выражаются такъ: „всякіе служилые люди и дворовые и казаки“: о торговыхъ же и черныхъ людяхъ они ни разу не говорятъ. Стало быть, представительство на совѣтѣ далеко не было полнымъ и нормальнымъ. Кромѣ того, въ составѣ „совѣта всея земли“ не вошли ни патріархъ съ властями, ни боярская дума: патріархъ и бояре были затворены въ Москвѣ, въ плѣну у польско-литовскаго гарнизона. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія нашей теоріи, совѣтъ 1611 года никакъ не могъ именоваться „всею землею“ и почитаться за земскій соборъ. Если ратное со- вѣщаніе и усвоило себѣ право думать за всю

землю и заботиться о всей землѣ, то, конечно, не потому, что представители рати считали себя земскямъ соборомъ нормальнаго состава, а потому, что имъ удалось соединить въ своемъ приговорѣ представителей очень многихъ мѣстныхъ всеословныхъ совѣтовъ, отъ которыхъ пришли подѣ Москву городскія и волостныя рати. Однословный по составу *ратный* совѣтъ отражалъ собою *всесловныя городскіе міры*, дѣйствовалъ по ихъ довѣрію, стремился обезпечить ихъ интересы, наконецъ, преслѣдовалъ общую народную задачу — освобожденіе Москвы. Чувствуя за собою общенародное довѣріе, а предъ собою общенародную цѣль, совѣтъ 1611 года съ увѣренностью въ правотѣ называлъ себя „всею землею“ и законодательствовала за всю землю.

Судьба этой первой попытки всеземскаго единенія была, однако, очень печальна. Внутренняя рознь казачества и консервативныхъ слоевъ населенія погубила липуновское ополченіе. Служилые люди побѣжали изъ ополченія послѣ того, какъ Липуновъ былъ убитъ казаками, и казаки остались одни въ своихъ таборахъ подѣ Москвою. Въ ихъ рукахъ оставалась правительственная организація, созданная приговоромъ 30-го іюня 1611 года: но казачьему правительству не желали повиноваться городскіе міры, хорошо узнавшіе разрушительность казачьихъ инстинктовъ и тенденцій. Въ городахъ искали новаго центра и новыхъ вождей,

и когда изъ Нижняго Новгорода послышался призывъ къ повому единенію, онъ вызвалъ быстрое сочувствіе земщины. Въ Нижнемъ дѣло пошло обычнымъ въ то время порядкомъ. Воззванія патріарха Гермогена возбудили прежде всего городскую тяглую общину Нижняго съ ея выборнымъ старостою Козьмою Мининымъ во главѣ. Рѣшивъ собирать средства и людей „для московскаго очищенія“, посадскіе люди передали дѣло въ прочіе слои нижегородскаго населенія. Въ городекомъ соборѣ протопопъ Савва и Миниъ объявили дѣло всему городу, и нижегородцы всѣмъ городомъ поручили устройство рати и организацію похода князю Пожарскому съ „товарищемъ“ Биркинымъ (рязанскимъ послемъ въ Нижній) и дьякомъ Юдинымъ. Этотъ „приказъ“ отъ имени всего Нижняго тотчасъ же, въ концѣ 1611 года, вступилъ въ сношенія съ окрестными городами и объявилъ имъ свою программу, состоявшую въ томъ, чтобы идти одинаково противъ поляковъ и противъ казаковъ и не повторять роковой ошибки Ляпунова, считавшаго возможнымъ союзъ съ казачествомъ. Отъ городовъ Пожарскій просилъ присылки средствъ и людей въ помощь нижегородцамъ. Люди требовались не только ратные: „для справки“ (то - есть, для соглашенія и устройства) и „для земскаго совѣта“ Пожарскій просилъ города и волости прислать въ Нижній „дворянъ и дѣтей боярскихъ и земскихъ лучшихъ людей, изъ всѣхъ чиновъ по

человѣку“. Съ самаго начала дѣла нижегородцы желали имѣть у себя вѣсесловный „земскій совѣтъ“, и мы знаемъ, что онъ образовался и началъ дѣйствовать, распространяя свое вліяніе и власть на весь тотъ районъ, который присоединялся къ нижегородскому движенію.

Такъ было въ началѣ дѣла. Когда же, весною 1612 года, Пожарскій отбѣлъ отъ казаконъ Ярославль и распространилъ вліяніе Нижняго на весь сѣверъ и Поволжье, то онъ сдѣлалъ центромъ своей рати именно Ярославль, какъ крупнѣйшій городъ-всего средняго Поволжья, а въ Ярославлѣ собралъ уже не мѣстный „земскій совѣтъ“, а общегосударственный земскій соборъ. Въ началѣ апрѣля 1612 года изъ Ярославля по городамъ грамота Пожарскаго и того „общаго совѣта“, который при немъ находился. Въ грамотѣ послѣ изложенія происшедшихъ событій и усвоенной ярославскимъ ополченіемъ программы было приглашеніе поскорѣе прислать въ Ярославль „изо всякихъ чиновъ людей человекъ по два и съ ними совѣтъ свой отнести за своими руками“. Все государство приглашалось прислать представителей съ наказами, въ которыхъ былъ бы совѣтъ, „какъ бы въ нынѣшнее конечное разореніе быти не безгосударными“. Пожарскій, видимо, не сиѣшилъ итти подъ Москву и думалъ въ Ярославлѣ создать общеземское правительство и избрать государя, предоставляя своимъ врагамъ подъ Москву, полякамъ и ка-

закамъ, истощать свои силы въ долгой борьбѣ. Призывъ Пожарскаго не остался безъ отвѣта, и въ Ярославлѣ на самомъ дѣлѣ сформировался соборъ правильного состава. Интересны свѣдѣнія объ этомъ соборѣ, къ сожалѣнію, только косвенныя и приблизительныя: точныхъ данныхъ нѣтъ, потому что документовъ отъ практики собора 1612 г. не сохранилось. Разумѣется, освященнаго собора въ его правильномъ и полномъ составѣ тогда собрать было нельзя: патріархъ Гермогенъ уже умеръ, а старшіе митрополиты были въ плѣну, новгородскій — у шведовъ, а ростовскій — у поляковъ. Однако, въ Ярославлѣ непременно хотѣли имѣть освященный соборъ и создали его такимъ порядкомъ, что призвали въ Ярославль бывшаго на покое стараго ростовскаго митрополита Кирилла и при немъ составили духовный совѣтъ. Сносаясь по важнѣйшимъ дѣламъ съ казанскимъ митрополитомъ Ефремомъ, этотъ духовный совѣтъ вѣдалъ церковное управленіе и именовалъ себя „священнымъ соборомъ“. Въ этомъ, по тогдашнимъ понятіямъ, не было узурпаціи: въ 1563 году, напримѣръ, при взятіи Полоцка, въ рати Грознаго бывшаго тамъ коломенскаго владыку Варлаама съ состоявшимъ при немъ духовенствомъ тоже называли „освященнымъ соборомъ“. Точно также не могло быть въ Ярославлѣ нормальной боярскаго думы, „всѣхъ бояръ“, такъ какъ „всѣ бояре“ сидѣли съ поляками въ Москвѣ, но и они уже не счита-

лись законнымъ „синклитомъ“. Однако, въ Ярославлѣ хотѣли имѣть и синклитъ. Въ рати Пожарскаго были два лица съ боярскимъ саномъ: В. П. Морозовъ и князь В. Т. Долгорукій. Съ ними вмѣстѣ въ вышемъ административно-военномъ совѣтѣ Пожарскаго дѣйствовали старшіе ратные предводители. Это и былъ „синклитъ“, который называли тогда определенными терминами: „бояре и воеводы“, „начальники“. Начальники и замѣняли собою „бояръ всѣхъ“. Къ этимъ двумъ постояннымъ органамъ ярославскаго правительства, то-есть, къ митрополиту Кириллу со властями (освященный соборъ) и Пожарскому съ начальниками (синклитъ) были присоединены выборные земскіе представители служилаго и тяглаго сословія, — и получился полный земскій соборъ. Онъ самъ считалъ себя „совѣтомъ всея земли“; на его „приговоры“ опиралась исполнительная власть въ ополченіи; его почитали верховнымъ правительствомъ не только русскіе города, шедшіе за земскимъ ополченіемъ, но и иностранцы, именно шведы, начавшіе изъ занятаго ими Новгорода переговоры съ Пожарскимъ и „московскими чинами“ (die Musscowitischen Stände).

Такъ впервые въ Московскомъ государствѣ былъ осуществленъ земскій соборъ на началѣ выборнаго представительства. Это начало было воспитано Смутнымъ временемъ, тою самодѣятельностью мѣстныхъ міровъ, которая развилась вслѣдствіе паденія государственнаго по-

рядка. Съ уничтоженіемъ привычнаго правительственнаго строя, самою силою вещей въ важнѣйшихъ мѣстныхъ дѣлахъ на замѣну приказной власти являлось мірское полномочіе и довѣріе и вмѣсто приказнаго человѣка дѣйствовать мірской выборный человѣкъ. Когда мѣстные міры успѣли соединить свои силы въ одномъ общемъ порывѣ къ возстановленію народной независимости и государственнаго порядка; ихъ выборные люди соединились въ „общій совѣтъ“, дѣйствовавшій уже за „всю землю“. Вверху этого совѣта былъ, „по избранью всѣхъ чиновъ людей Россійскаго государства“, стольникъ и воевода Дмитрій Пожарскій, съ нимъ рядомъ „выборный человѣкъ всею землею“ Козьма Мининъ, а внизу простые „изо всѣхъ городовъ всякихъ чиновъ“ выборные люди. Эти излюбленные люди и государя желали избрать всею землею, „кого намъ Богъ дастъ“.

VIII.

Однако, Ярославскому собору не пришлось избрать государя, и „царское обирание“ совершено было уже другимъ земскимъ соборомъ послѣ „московскаго очищенья“. Освободивъ Москву, отогнавъ далеко одну часть казаковъ и добившись подчиненія другой, временное правительство распустило выборныхъ ярославской сессіи и грамотами (до 15 ноября 1612 года) созывало въ Москву „изо всякихъ чиновъ“, „изо всѣхъ городовъ“, „по десяти человѣкъ

отъ городовъ“ для „государственныхъ и земскихъ дѣлъ“, а главнымъ образомъ для избранія государя, которое должно было совершиться „всеякими людьми отъ мала и до велика“. Выборное начало въ представительствѣ выступаетъ на соборѣ 1613 года уже въ полной силѣ, какъ общепринятая и вполне выработанная норма. Составъ земскаго собора 1613 года, судя по подписямъ его участниковъ на соборной грамотѣ, опредѣляется такъ: Священный соборъ включалъ въ себѣ трехъ митрополитовъ (Ефрема, Кирилла и Іону), архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ. Священники давали свои подписи вмѣстѣ съ городскими представителями и иногда называли себя „выборными“,—знакъ, что они являлись на соборѣ мірскими уполномоченными на основаніи тѣхъ порядковъ, которые укрѣпились въ городахъ въ Смутное время и которые втягивали духовенство въ мірскія дѣла, вплоть до ратнаго дѣла. Поэтому-то бѣлое духовенство и слѣдуетъ считать не въ освященномъ соборѣ, а въ рядахъ земскихъ представителей. Боярская дума на соборѣ 1613 года играла особую роль. „Начальники“ изъ Ярославля пришли съ Пожарскимъ подъ Москву и продолжали здѣсь быть правительственнымъ совѣтомъ. Когда бояре, сидѣвшіе въ Москвѣ съ поляками, были освобождены, они по сану своему должны были занять первыя мѣста въ синклитѣ у Пожарскаго. Но „начальники“, очевидно, относились

къ нимъ, какъ къ измѣнникамъ, и подняли вопросъ о нихъ. Однѣ изъ современниковъ записалъ, что въ Москвѣ бояръ, которые въ осаду сидѣли, „въ думу не припускаютъ, а шесали о нихъ въ города ко всякимъ людямъ: пускать ихъ въ думу или нѣтъ?“ И вопросъ, повидимому, былъ рѣшенъ отрицательно: бояре разъѣхались изъ Москвы по селамъ и не были на самомъ избраніи царя. Ихъ возвратили въ Москву, когда Михаилъ былъ уже избранъ, для участія въ окончательномъ провозглашеніи новаго царя въ засѣданіи 21 февраля. Соборною же дѣятельностью руководили не эти старые бояре, а „начальники“, которые, по свидѣтельству современника, снова восхотѣли себѣ царя „отъ иновѣрныхъ“ и въ этомъ разонлись съ земскими людьми, хотѣвшими избирать царя изъ своихъ. Такъ устроены были высшіе органы управленія, церковнаго и государственнаго, вошедшіе въ соборъ. Земскіе представители на соборѣ 1613 года были, по основанію представительства, двухъ категорій. Одни явились на соборъ по старому порядку, въ силу своего служебнаго положенія: это—придворные чины, „большіе дворяне“ и приказные люди. Другіе были посланы на соборъ по избранію и явились туда съ „договорами“, то-есть, съ инструкціями избирателей, и „съ выборами за всякихъ людей руками“, то-есть, съ документами, удостоверяющими правильность ихъ избранія. Это были, по старому опредѣ-

ленію, „изо всеѣхъ городовъ лучшіе и разумные постоянные люди“. Москва не опредѣляла ихъ числа точнымъ и обязательнымъ для городовъ порядкомъ. Въ одной грамотѣ Пожарскій просилъ, какъ мы видѣли, по десяти человѣкъ отъ города; по другому свидѣтельству, изъ Москвы просили прислать „изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ и изъ гостей и изъ торговыхъ и изъ посадскихъ и изъ уѣздныхъ людей, выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, по скольку человѣкъ пригоже“. Нельзя поэтому сказать, сколько всего выборныхъ ожидалось въ Москву. Нельзя опредѣлить и того, сколько ихъ дѣйствительно туда пріѣхало, такъ какъ у насъ нѣтъ точнаго списка участниковъ собора. Подъ однимъ экземпляромъ избирательной грамоты ими сдѣлано 235 подписей, подъ другимъ—238 подписей, а въ нихъ упомянуто около 277 именъ соборныхъ участниковъ ¹⁾. Но это не есть точное число. Выборные подписывали грамоту одинъ за многими товарищами, не называя ихъ поименно; такъ, выборныхъ нижегородцевъ было на соборѣ, какъ мы случайно знаемъ, не менѣе 19-ти, а подписали грамоту всего 5 человѣкъ на одномъ экземплярѣ и 6 на другомъ. Можно поэтому думать, что число участниковъ собора, и въ частности выборныхъ изъ городовъ, было гораздо больше,

¹⁾ „Утвержденная грамота объ избраніи М. О. Романова“, изданная въ Москвѣ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ (М. 1904).

чѣмъ мы знаемъ по ихъ подписямъ. По нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что всего соборныхъ людей могло быть до 700. Разбираясь въ тѣхъ данныхъ, какія представляютъ намъ подписи соборныхъ выборныхъ, мы видимъ, что на призывъ Москвы откликнулось много городовъ и уѣздовъ. Можно насчитать не менѣе 50 городовъ, представители которыхъ были на соборѣ 1613 года. Для того времени это очень большое число, тѣмъ болѣе внушительное, что въ него вошли города самыхъ различныхъ областей государства, отъ Вѣлаго моря до Дона и Донца. Такимъ образомъ въ территоріальномъ отношеніи составъ представительства надобно признать достаточно полнымъ. Въ сословномъ же отношеніи принято считать соборъ 1613 года самымъ полнымъ, потому что на немъ, кромѣ служилыхъ людей и тяглыхъ горожанъ, были еще „уѣздные люди“. За уѣздныхъ людей на одномъ экземплярѣ избирательной грамоты есть 12 подписей, на другомъ—11. Подъ этимъ немного неопредѣленнымъ названіемъ уѣздныхъ людей обыкновенно разумѣютъ представителей крестьянства. Для Двинскаго уѣзда это и вѣроятно, потому что на Московскомъ сѣверѣ, какъ мы уже видѣли, процвѣтало крестьянское самоуправленіе въ свободныхъ крестьянскихъ общинахъ. Но для остальныхъ мѣсть, отъ которыхъ явились представители „уѣздныхъ людей“, это сомнительно. За исключеніемъ Устюжны „Желѣзныя“, во

всѣхъ прочихъ десяти уѣздахъ нельзя предпо-
лагать существованія свободныхъ отъ вотчин-
ной власти крестьянскихъ міровъ. Эти мѣста
Московского юга (Тула, Брянскъ, Новоси-
ль, Курскъ и др.) извѣстны господствомъ служилого
землевладѣнія въ его мелкихъ формахъ, исклю-
чавшихъ въ то время возможность развитія
свободнаго крестьянскаго владѣнія и самосто-
ятельныхъ тяглыхъ организацій. Въ этихъ уѣз-
дахъ подъ „уѣздными людьми“ надлежитъ ра-
зумѣть скорѣе всего низшіе разряды служилыхъ
людей, приписанныхъ по службѣ къ городамъ,
а обезпеченныхъ участками нахотной земли
и угодьями виѣ городовъ. Осторожнѣе будетъ
не настаивать на мысли, что на соборѣ 1613 года
сословное представительство было полнѣе, чѣмъ
на прочихъ соборахъ XVII вѣка. На всѣхъ
соборахъ одинаково крестьяне не пользовались
правомъ отдѣльнаго представительства и на всѣхъ
соборахъ одинаково были представлены уѣздные
люди. Представительство сѣверныхъ областей
сливалось въ одно уѣздныхъ крестьянъ съ по-
садскими людьми, съ которыми они иногда
сливались и въ отношеніи податнаго самоуправ-
ленія, а представительство южной половины
государства соединяло уѣздныхъ людей низшихъ
служилыхъ званій вмѣстѣ съ помѣстнымъ дво-
ринствомъ въ одну среду „всякихъ служилыхъ
людей“. Такое пониманіе дѣла кажется намъ
единственнымъ возможнымъ.

Такъ опредѣлялся составъ собора, избраннаго

новую московскую династію. „Власти“ и дума вошли въ соборъ цѣликомъ, какъ въ XVI вѣкѣ. Высшіе слои служилаго московскаго люда были допущены безъ избирательныхъ полномочій и, если не поголовно, то по старому порядку—на основаніи ихъ служебнаго положенія и значенія. Рядовое провинціальное дворянство (съ низшими слоями служилаго люда) и городское податное населеніе (съ близкими къ нему слоями свободнаго сѣвернаго крестьянства) были привлечены къ участию въ соборѣ на основѣ выборнаго представительства, въ которомъ приняло участіе и городское духовенство, избиравшее и избираемое въ городскихъ избирательныхъ округахъ. Въ такомъ приблизительно видѣ земскіе соборы сложились и дѣйствовали въ царствованіе царя Михаила Федоровича. Въ новой своей фазѣ они были продуктомъ тѣхъ условій, которыя образовались въ московскомъ обществѣ благодаря бурямъ Смутнаго времени и которыя измѣнили не только составъ соборовъ, но и ихъ политическое значеніе.

IX.

Политическое значеніе собора 1613 года заключалось не въ томъ одномъ, что онъ избралъ новаго государя, но и въ томъ, что онъ образовалъ новый порядокъ въ странѣ. На основаніи всего сказаннаго выше не трудно понять, что земскіе соборы 1612 года и 1613 года, Ярославскій и Московскій, были органами той

общественной среды, которая сплотилась для борьбы не только съ поляками, съ которыми связало себя боярство, сидѣвшее въ Москвѣ, но и съ казаками, желавшими радикальнаго общественнаго переворота. Въ противоположность аристократическому слою боярства и демократическому слою казачества общественные слои, соединившіеся въ ярославскомъ ополченіи, представляли собою общественную середину, средніе классы, совершенно равнодушные къ кружковымъ стремленіямъ боярства и враждебные казачьему радикализму. Органомъ этихъ среднихъ классовъ и стали какъ Ярославскій соборъ въ ополченіи Пожарскаго, такъ и избирательный Московскій соборъ 1613 года. Побѣдивъ своихъ враговъ подъ Москвою и въ Москвѣ, освободивъ столицу и ставъ распорядителями дѣлъ въ государствѣ, средніе слои населенія стремились закрѣпить побѣду избраніемъ царя, который могъ бы стать вышнимъ символомъ ихъ единенія и торжества. Выразитель этихъ стремленій, земскій соборъ, въ отсутствіе большихъ бояръ успѣлъ отстранить кандидатуру иноземныхъ принцевъ на московскій престолъ, хотя „начальники“ и хотѣли себѣ царя „отъ иноверныхъ“. Равнымъ образомъ покончено было и съ самозванщиной, которая служила для казаковъ средствомъ узаконивать разрушительныя вожделѣнія. Соборъ избралъ *своего* царя изъ такого рода, который въ серединѣ XVI вѣка боярами-князьями на-

ывался иногда „рабскимъ“, но который въ то же время почитался стариннымъ „великимъ“ московскимъ родомъ. Избравъ царя не отъ королей и князей, а отъ бояръ, соборъ сталъ охранять его, какъ своего избранника и ставленника, готовый въ немъ защищать свое единство и свой возстановленный земскій порядокъ. Съ своей стороны, избранный соборомъ, государь не видѣлъ возможности безъ содѣйствія собора править страню и унять „всемірный мятежъ“ и даже не желалъ принимать власть и „идти къ Москвѣ“, пока соборъ не достигнетъ прочнаго успокоенія государства. Вышло такъ, что носитель власти и народное собраніе не только не спорили за первенство своего авторитета, но крѣпко держались другъ за друга въ одинаковой заботѣ о собственной цѣлости и безопасности. Сознаніе общей пользы и взаимной зависимости приводило власть и ея земскій совѣтъ къ полнѣйшей солидарности, обращало государя и соборъ въ одну политическую силу, боровшуюся съ враждебными ей теченіями какъ внутри государства, такъ и внѣ его. Соборъ не стремился раздѣлить съ верховною властью ея прерогативы, потому что сама власть ими тогда не дорожила; напротивъ, государь желалъ раздѣлить съ соборомъ тяжелое бремя управленія и отвѣтственность за возможные неудачи. Такимъ образомъ, вопросъ о формальномъ опредѣленіи отношеній царя и собора не имѣлъ тогда поводовъ возникнуть, и мы

лично совершенно не вѣримъ въ существованіе такъ называемой ограничительной записи, будто бы данной Михаиломъ боярству.

Правительственное значеніе земскаго собора было основаніемъ новаго порядка, возникшаго въ Московскомъ государствѣ послѣ Смуты. Первые шаги новой власти дѣлались не иначе, какъ „по совѣту всяя земли“, и официально и гласно признавалось, что важныхъ дѣлъ вообще нельзя было рѣшать „безъ совѣту всего государства“. Вопросы о войнѣ и мирѣ и вообще дѣла внѣшней политики; вопросы финансовые и податные, въ особенности назначеніе новыхъ экстренныхъ сборовъ; вопросы сословнаго устройства и отношенія сословныхъ группъ къ государственнымъ повинностямъ; вопросы административнаго благоустройства и, наконецъ, вопросы законодательныя — вотъ сфера дѣйствія „совѣта всяя земли“ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Въ первое десятилѣтіе его царствованія соборъ, повидимому, существовалъ непрерывно. Избравъ царя, соборъ 1613 года оставался при немъ до 1615 года. Въ концѣ 1615 г. была призвана новая сессія выборныхъ, дѣйствовавшая до 1619 г. Въ среднѣ 1619 г. самъ соборъ рѣшилъ созваніе новой сессіи представителей ему на смѣну, и эта новая сессія существовала въ Москвѣ до 1622 г. Повидимому, какъ ранѣе, въ XVI вѣкѣ, „изъ городовъ выборъ“ (намъ уже извѣстный) командировался въ Москву на трехлѣтній срокъ,

такъ въ первые годы царя Михаила выборные представители мѣстныхъ обществъ, замѣнившіе на соборахъ старый „выборъ“, призывались въ Москву тоже на трехлѣтіе. Въ послѣдующее время, позднѣе 1622 года, непрерывности соборныхъ сессій не наблюдается, но соборы все-таки остаются весьма частымъ явленіемъ правительственной практики. У правительства какъ будто всегда находится подъ рукою контингентъ представителей „городовъ“, и оно имѣетъ возможность въ короткій срокъ созвать ихъ на совѣщаніе хотя бы и по частному вопросу, случайно возникшему въ сферѣ внѣшнихъ сношеній или во внутренней жизни государства. При этомъ прежнее стремленіе возможно полнѣе устроить представительство областей къ концу царствованія Михаила какъ будто слабѣетъ. Такъ, въ началѣ 1642 года, при осложненіи отношеній съ турками и татарами, по вопросу о крѣпости Азовѣ земскій соборъ созвали менѣе, чѣмъ въ недѣлю, и при этомъ обошлись безъ епархіальныхъ архіереевъ въ освященномъ соборѣ и безъ выборныхъ отъ провинціальныхъ посадовъ. Мало того, къ избранію представителей были призваны не мѣстныя общества въ ихъ полномъ составѣ, а лишь тѣ провинціальные дворяне, которые находились въ ту минуту въ Москвѣ. Правда, въ январѣ 1642 года въ Москвѣ по нѣкоторымъ причинамъ былъ значительный съѣздъ провинціальныхъ дворянъ; вѣроятно, этотъ съѣздъ и по-

служилъ основаніемъ для того, чтобы организовать выборы на соборъ въ самой Москвѣ. Меньшее напряженіе соборной дѣятельности къ концу правленія Михаила Федоровича и меньшая забота о полнотѣ представительства объясняются, конечно, общимъ успокоеніемъ государства. Внѣшнія войны были кончены, казачество перестало грозить государству, общественное благоустройство сдѣлало нѣкоторые успѣхи, и вмѣсто непрерывнаго ряда экстренныхъ усилій и тревогъ для правительства наступила будничная рутинна, при которой не было уже побужденій непрерывно обращаться къ совѣту всей земли. Въ началѣ царствованія Михаила, въ періодъ наибольшей энергіи земскихъ соборовъ, они ни разу не пытались взять на себя инициативу въ законодательствѣ или политикѣ и всегда лишь отвѣчали на обращенный къ нимъ запросъ государя. Даже соборъ 1619 года, выработавшій замѣчательно стройную программу внутренней политики, дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ подъ вліяніемъ и руководствомъ государева отца, патріарха Филарета и въ сущности лишь давалъ отвѣты на вопросы, поставленные „владительнымъ“ патріархомъ. Этой неизмѣнною пассивностью соборовъ достаточно уясняется то обстоятельство, почему соборы, насколько мы знаемъ, не заявляли сами о желательности урегулировать сроки ихъ созыва тогда, когда власть перестала ихъ регулярно созывать и дѣятельность собо-

ровъ ослабѣла. Однако, предлагая правительству свой совѣтъ и свою помощь въ той мѣрѣ, въ какой оно ихъ желало, соборы всегда пользовались правомъ челобитій въ той мѣрѣ, въ какой они сами считали это нужнымъ для себя. Рутинная обстановка послѣднихъ лѣтъ дѣятельности Михаила вела къ нѣкоторому забвенію тѣхъ повседневныхъ тяготъ и нуждъ, которыя угнетали сословную жизнь. На соборѣ 1642 г. сословные представители обнаружили эти тяготы и нужды съ полною откровенностью и указывали безъ обиняковъ на недостатки административнаго строя, отъ которыхъ терпѣло московское общество. Такимъ образомъ, не стремясь къ сохраненію исключительной роли постоянного правительственнаго органа—роли, усвоенной имъ Смутою,—соборы не потеряли съ теченіемъ времени своего значенія „совѣта всея земли“, служащаго точнымъ отзвукомъ дѣйствительнаго настроенія этой земли.

X.

Итакъ, при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ земскій соборъ былъ выразителемъ среднихъ слоевъ московскаго общества, а самъ Михаилъ былъ царемъ этихъ же среднихъ слоевъ, которые противопоставили его боярскому царю „инновѣрному“ (Владиславу) и казачьему царенку самозванному („Маринкину сыну“). Служа выразителями одного и того же общественнаго элемента, царь и соборъ были въ нераз-

рывномъ союзѣ противъ общихъ враговъ, пока эти враги имѣли силу и были опасны. Замирение государства дѣлало этотъ союзъ менѣе напряженнымъ и сознательнымъ. Въ правительствѣ, вокругъ государя, заново сформировался разбитый Смутою „приказный“, бюрократическій классъ; получивъ силу, онъ пользовался возможностью обходиться въ управленіи безъ „совета всея земли“, злоупотреблять своимъ дѣловымъ вліяніемъ и незаконно обогащаться. Недовольный администраціей, земскій людъ на соборахъ обличалъ ее, противопоставляя свой земскій интересъ „московской волокитѣ“. На счетъ администраціи относили земскіе люди многія существенныя настроенія своей сословной жизни и были челоуъ государю объ искорененіи безпорядковъ и насильствъ со стороны „сильныхъ людей“, то-есть, самоуправцевъ изъ дворцовой знати и приказныхъ дьяковъ. Жизнь разводила такимъ образомъ старыхъ союзниковъ, власть и земство, и иногда вела къ столкновеніямъ довольно остраго свойства.

При Михаилѣ Федоровичѣ эти столкновенія были словесными: земщина посредствомъ заявленій („сказокъ“) на соборахъ и подачи коллективныхъ челобитій просила охраны своихъ правъ и интересовъ. Со вступленіемъ на престолъ царя Алексѣя дѣло стало серьезнѣе.

Царь Алексѣй былъ очень молодъ, неопытенъ и мягокъ для того, чтобы понимать дѣла и руководить ими. Около него образовалась

такая клика дѣльцовъ, которая своимъ произволомъ и наглостью превзошла всѣхъ „сильныхъ людей“ времени царя Михаила. Держась за сильнаго покровителя, „дядьку“ царя, боярина В. И. Морозова, эти приказные люди хвалились, что у нихъ вся Москва „въ рукѣ“, — и довели Москву до открытаго бунта. Морозовъ едва уцѣлѣлъ, остальные насильники погибли. За Московію толпа и въ другихъ городахъ произвела безпорядки. Предъ царемъ Алексѣемъ стала задача — найти средство умиротворить общество и примирить его съ правительственною средою, съ которою оно разошлось. Трудно сказать, по чьей мысли было указано хорошее средство, состоявшее въ томъ, чтобы собрать, привести въ порядокъ и пересмотрѣть дѣйствовавшіе тогда законы.

Не распространяясь объ этомъ сложномъ сюжетѣ, можно опредѣлить значеніе намѣченнаго предпріятія такъ. Страна не имѣла тогда не только печатнаго текста законовъ, но и рукописнаго ихъ сборника. Сборникъ XVI вѣка, такъ называемый Судебникъ, устарѣлъ. Дополненія къ нему записывались по вѣдомствамъ („указныя книги“ приказовъ) не въ системѣ, а въ хронологическомъ порядкѣ, и составляли достойное одиѣхъ канцелярій. Пробѣлы въ законахъ пополнились не всегда правильнымъ порядкомъ, чрезъ указъ государевъ, а произвольнымъ примѣненіемъ подходящихъ статей Литовскаго статута, Кормчей или же приказ-

наго обычая. Эти источники права, можетъ быть, и доброкачественные, были такъ же невѣдомы населенію, какъ и указъ государевъ, сказанный въ думѣ и записанный для себя дьякомъ. Поэтому была настоятельная нужда дать законъ въ руки населенію, составивъ кодексъ и опубликовавъ его посредствомъ печати. Но одною кодификаціей дѣйствовавшаго права нельзя было тогда обойтись. Недовольное своей обстановкою, общество въ челобитіяхъ просило улучшеній своего быта. Именно средніе классы населенія, на которыхъ тогда покоился государственный порядокъ, съ особенною настоятельностью указывали на желательныя ихъ перемены. Служилый людъ желалъ равномѣрнаго распредѣленія служебныхъ тяготъ и укрѣпленія своего имущественнаго положенія. Онъ жаловался на духовенство и знать, которыя отбирали у рядовыхъ служилыхъ людей ихъ земли и крестьянъ; онъ жаловался на администрацію, вносившую своимъ произволомъ безпорядокъ въ отправленіе служебъ дворянами; онъ жаловался, наконецъ, на крестьянъ, не сидѣвшихъ на мѣстахъ и подрывавшихъ своимъ уходомъ помѣщичье хозяйство. Сокращеніе землевладѣльческихъ правъ духовенства и его исключительной подсудности, обузданіе произвола „сильныхъ“ людей, льготныхъ землевладѣльцевъ бояръ и безконтрольной администраціи, наконецъ, прикрѣпленіе крестьянъ,—вотъ къ чему стремился служилый людъ. Тяглые черные люди, свободные

*

обыватели посадовъ, желали того же въ своемъ быту, чего желали дворяне въ своемъ: равномернаго распредѣленія платежей и повинностей и укрѣпленія имущественнаго положенія. Они жаловались на духовенство и знать, которые вторгались съ своими торгово-промышленными операціями въ посады и увлекали къ себѣ изъ тѣла городскихъ людей и земли; они жаловались на администрацію, угнетавшую своимъ произволомъ общину; они жаловались, наконецъ, на свою же братью, недобросовѣстныхъ или малодушныхъ тягловцевъ, не сидѣвшихъ на своихъ тяглыхъ участкахъ и подрывавшихъ незаконнымъ уходомъ общинное хозяйство. Сокращеніе судебныхъ льготъ духовенства и земельныхъ захватовъ на посадахъ духовенства и знати, обузданіе произвола и злоупотребленій „сильныхъ людей“, наконецъ, прикрѣпленіе тяглыхъ людей къ посадамъ и недонущеніе на посады крестьянъ и вообще постороннихъ тяглой общинѣ элементовъ,—вотъ къ чему стремились тяглые люди. Къ этимъ пожеланіямъ торговый классъ присоединялъ еще одно—уничтоженіе на русскихъ рынкахъ торговой конкуренціи иноземныхъ купцовъ. Полное соотвѣтствіе стремленій служилыхъ людей и тяглыхъ придавало имъ особую силу и заставляло серьезно подумать о созданіи въ законѣ такихъ нормъ, которыя могли бы на дѣлѣ обезпечить интересы средняго московскаго люда. Не трудно замѣтить, что эти новыя нормы, удовлетво-

ря общественную середину, должны были неизбежно направиться против общественных вершинъ (духовенства и знати) и противъ общественныхъ низовъ (крестьянства и частновладельческихъ людей, боярскихъ и иныхъ „закладчиковъ“).

Такимъ образомъ правительству царя Алексея Михайловича предстояла не только кодификація, но и реформа. Ходъ ее былъ определенъ такъ: 16-го іюля 1648 года гоеударь съ освященнымъ соборомъ и думными людьми рѣшилъ вопросъ о кодексѣ: боярину князю Н. П. Одоевскому съ четырьмя помощниками было поручено собрать старый законодательный матеріалъ, тѣ „статьи“, которыя „пристойны къ гоеударственнымъ и къ земскимъ дѣламъ“, то-есть, еще не утратили практической приложимости. Обнаруженные же въ старомъ законѣ пробѣлы предположено было пополнить „общимъ совѣтомъ“, съ помощью земскаго собора, составъ котораго былъ тщательно обдуманъ. На соборъ къ 1 сентября 1648 года призывались выборные люди: отъ придворныхъ и столичныхъ служилыхъ людей „изъ чину по два человѣка“: дворянъ отъ большихъ городовъ по два человѣка, отъ меньшихъ городовъ и отъ Новгородскихъ пятинъ по одному человѣку: гостей три человѣка; отъ гостинной и суконной сотенъ по два человѣка; отъ московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ и отъ провинціальныхъ посадовъ по одному человѣку. Въ такомъ видѣ составъ зем-

скаго собора нѣсколько отличался отъ соборовъ болѣе раннихъ. Раньше придворные и столычныя чины являлись на соборы въ большомъ числѣ и, повидимому, не по выбору. Въ 1642 г. впервые мы видимъ указаніе, что эта среда приглашалась выбрать своихъ представителей наравнѣ съ низшими служилыми чинами; но желательное количество выборныхъ изъ этихъ „большихъ статей“ указано было тогда значительно большее, чѣмъ отъ прочихъ. На соборѣ 1642 года и было выборныхъ отъ столыпковъ 10, отъ жильцовъ 12, отъ московскихъ дворянъ 22; провинціальныя же дворяне выбрали всего по 3—4 человека отъ города. Въ 1648 г. было рѣшено уравнивать московскіе чины съ провинціальными дворянами въ отношеніи количества представителей, чѣмъ достигался, конечно, полный перевѣсъ провинцій надъ Москвою и рядового дворянства надъ высшими служилыми чинами. Въ то же время провинціальныя посады, не всегда представляемые на соборахъ, призывались все къ участию въ „общемъ совѣтѣ“, что также усиливало провинцію на соборѣ. Краснорѣчивы цифры, установленныя исследователями: на 6 московскихъ выборныхъ дворянъ на соборѣ 1648 года было болѣе 150 провинціальныхъ и на 15 московскихъ гостей и тяглыхъ людей было не менѣе 80 посадскихъ изъ городовъ. Такое большое число мѣстныхъ представителей получилось потому, что къ представительству было приглашено и приглашеніемъ

воспользовалось очень много городов и уѣздовъ: число представленныхъ городовъ на соборѣ 1648 года доходить до 120, если не болѣе.

Итакъ, подготовительная работа собранія законодательныхъ матеріаловъ была въ 1648 г. возложена на „приказъ“ князя Н. И. Одоевскаго и велась канцелярскимъ порядкомъ; обсужденіе же новыхъ „статей“ будущаго кодекса предоставлено было „общему совѣту“, который созывался на 1 сентября 1648 года въ Москву. Приблизительно съ 1 сентября и началась дѣятельность земскаго собора. Соборъ былъ разделенъ на двѣ палаты. Одну составляли дума и освященный соборъ, съ которыми царь и патриархъ „слушали“ законопроектъ Одоевскаго. Другую составляли всѣ выборные люди, сидѣвшіе въ Отвѣтной палатѣ дворца подъ предѣтельствомъ князя Ю. А. Долгорукаго. При чтеніи сдѣланнаго Одоевскимъ „собранія“ выборные люди возбуждали вопросы о необходимыхъ измѣненіяхъ и дополненіи дѣйствующаго закона и заявляли о своихъ нуждахъ и желаніяхъ. Заявленія выборныхъ, въ формѣ челобитій „всѣхъ выборныхъ людей отъ всея земли“, восходили въ верхнюю палату, къ государю, а тамъ обыкновенно получали санкцію, послѣ чего и обращались въ новыя „статьи“ закона, находившія себѣ мѣсто въ кодексѣ. Эти новыя статьи, ранѣе обнародованія ихъ въ составѣ законодательнаго сборника, публиковались въ

видѣ особыхъ государевыхъ указовъ и обращались къ немедленному исполненію, такъ что земщина могла по нимъ слѣдить за ходомъ и направлениемъ законодательныхъ работъ. Къ 29 января 1649 года дѣло было окончено и „Уложенная книга“ была готова. Она получила названіе „Соборнаго уложенія“, потому что была совершена соборомъ и скрѣплена подписями соборныхъ людей.

Нетрудно, конечно, догадаться, о чемъ просили выборные люди въ своихъ соборныхъ челобитныхъ. Мы видѣли, что главнымъ ихъ желаніемъ было упорядоченіе ихъ служебъ, повинностей и платежей и укрѣпленіе ихъ имущественнаго положенія. Стремясь къ этому, они были челомъ: объ уничтоженіи исключительной подсудности духовенства; о воспрещеніи духовенству пріобрѣтать служилыя вотчины и объ отобраніи въ казну вотчинъ, пріобрѣтенныхъ имъ съ 1584 года; о воспрещеніи духовенству и боярству (вообще льготнымъ землевладѣльцамъ) принимать въ закладъ тяглые участки въ городахъ и брать за себя тяглыхъ людей (закладчиковъ); о воспрещеніи духовенству и боярамъ селить на посадскихъ „выгонныхъ“ земляхъ своихъ людей и ставить для нихъ подгородныя слободы; о прикрѣпленіи къ тяглымъ участкамъ посадскихъ людей и о запрещеніи имъ выхода изъ посадовъ въ другія сословныя группы; объ уничтоженіи срока давности для исковъ; о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, иначе

говоря, о полномъ прикрѣпленіи крестьянъ, и наконецъ, объ уничтоженіи даннаго при царѣ Михаилѣ иноземнымъ купцамъ права льготнаго торгова на внутреннихъ рынкахъ государства. Большая часть этихъ ходатайствъ имѣла значеніе для одного какого-либо сословія: для служилыхъ людей, или для тяглыхъ, или для торговыхъ; но обыкновенно „вся земля“ поддерживала односословное ходатайство, и челобитья являлось отъ имени всѣхъ сословій. Между соборными представителями различныхъ сословныхъ группъ существовалъ очевидный союзъ, направленный противъ землевладельческихъ и судебныхъ льготъ высшихъ общественныхъ слоевъ и противъ остатковъ былой бродячей вольности низшаго тяглаго люда. Общественная середина, составлявшая на соборѣ подавляющее большинство, „за себя стала“ и своими челобитьями искала возможности провести въ законъ такія „статьи“, которыя бы дѣйствительно охраняли до тѣхъ поръ пошираемый ея сословный интересъ. За исключеніемъ одного пункта (отобраніе земель, приобрѣтенныхъ духовенствомъ въ 1584 — 1648 гг.), всѣ остальные челобитья были удовлетворены государемъ и обратились въ статьи Уложенія. Такихъ новыхъ статей на 1000 приблизительно статей Уложенія насчитывается около 80: это можетъ до нѣкоторой степени дать понятіе о напряженности законодательной энергіи соборныхъ людей.

Такова была побѣда среднихъ классовъ на

соборѣ 1648 года. Отъ новаго закона они вырывали, а проигрывали ихъ житейскіе соперники, стоявшіе наверху и внизу тогдашней соціальной лѣстницы. Какъ въ 1612—1613 г. средніе слои общества возобладали благодаря своей внутренней солидарности и превосходству силъ, такъ и въ 1648 г. они достигли успѣха, благодаря единству настроенія и дѣйствія и численному преобладанію на соборѣ. И всѣ участники „великаго земскаго дѣла“, какимъ было составленіе Уложенія, понимали важность минуты. Однихъ она радовала: тѣ, въ чью пользу совершалась реформа, находили, что наступаетъ торжество справедливости. „Нынѣча Государь милостивъ, сильныхъ изъ царства выводитъ“, писалъ одинъ дворянинъ другому: „и ты, государь, насильства не заводи, чтобы міръ не провѣдалъ!“ Нѣкоторые даже находили, что слѣдуетъ идти далѣе по намѣченному пути переменъ. Такъ, курскіе служилые люди были недовольны своимъ выборомъ на соборѣ Малышевымъ и „шумѣли“ на него, по одному выраженію, за то, что „у государева у Соборнаго уложенья по челобитью земскихъ людей не противъ всѣхъ статей государевъ указъ учиненъ“, а по другому выраженію, за то, что „онъ на Москвѣ розныхъ ихъ прихотей въ Уложенъѣ не исполнилъ“. Но если одни хотѣли еще больше, чѣмъ получили, то другимъ и то, что было сдѣлано, казалось дурнымъ и зловѣщимъ. Закладчики, взятые изъ

льготной частной зависимости въ тяжелое государство тягло, мрачно говорили, что „ходить намъ по колѣно въ крови“. По ихъ мнѣнію, общество переживало прямую смуту („міръ весь качается“), и обездоленной Уложеніемъ массѣ можно было покуситься на открытое насиліе противъ угнетателей, потому что этой массы будто бы всѣ боялись. Не одно простонародье думало такимъ образомъ. Патріархъ Никонъ подвергалъ рѣзкой критикѣ Уложеніе, называя его „проклятою“ и незаконною книгою. По его взгляду, оно составлено „человѣкомъ прегордымъ“, княземъ Одоевскимъ несоответственно царскому указанію и передано земскому собору изъ боязни предъ мятежнымъ „міромъ“. Онъ писалъ: „и то всѣмъ вѣдомо, что зборъ (т. е. соборъ) былъ не по воли, боязни ради и междуособія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради“. Разумѣется, Никона волновали иныя чувства, чѣмъ боярскихъ закладчиковъ. Въ большой завистѣ онъ доказывалъ, что первоначальныя намѣренія государя заключались въ томъ, чтобы просто собрать старые законы „ни въ чемъ же отъиго“ и преподать ихъ свѣтскому обществу, а не патріарху и не церковнымъ людямъ. Обманомъ же „ложнаго законодавца“ Одоевскаго и междуособіемъ отъ всѣхъ черныхъ людей вынудить „указъ тотъ же патріарху со стрѣльцомъ и съ мужикомъ“ и были допущены вопіющія нарушения имущественныхъ и судебныхъ льготъ ду-

ховенства въ новыхъ законахъ, непрощенныхъ земскими людьми. Поэтому Никонъ не признавалъ законности Уложения и не разъ просилъ государя Уложение „отставить“, т. е. отменить. Таково было отношеніе къ собору и его Уложеной книгѣ у самаго яркаго представителя тогдашней іерархіи. Можемъ быть увѣрены, что ему сочувствовали и прочіе: реформа Уложения колебала самый принципъ независимости и общности церковнаго строя и подчиняла церковныя лица и владѣнія общегосударственному суду; мало того, она больно затронувала хозяйственные интересы церковныхъ землевладѣльцевъ. Сочувствія къ ней въ духовенствѣ быть не могло, какъ не могло быть и сочувствія къ самому земскому собору, который провелъ реформу. Боярство также не имѣло основаній одобрить соборную практику 1648 года. Къ серединѣ XVI столѣтія изъ развѣянныхъ Смutoю остатковъ стараго боярства, какъ княжескаго происхожденія, такъ и съ болѣе простымъ „отечествомъ“, успѣла сложиться новая аристократія придворно-бюрократическаго характера. Не питая никакихъ политическихъ притязаній, это боярство приняло „приказный“ характеръ, обратилось въ чиновничество и, какъ мы видѣли, повело управленіе мимо соборовъ. Хотя новые бояре и ихъ помощники, дьяки, сами происходили изъ рядового дворянства, а иногда и ниже, тѣмъ не менѣе у нихъ былъ свой гоноръ, и большое стремленіе наслѣдовать не только земли ста-

раго боярства, но и землевладѣльческія льготы стараго типа, когда-то характеризовавшія собою удѣльно-княжескія владѣнія. Обработанные П. Е. Забѣлинымъ документы вотчинъ знаменитаго В. И. Морозова ¹⁾ вводятъ насъ въ точное разумѣніе тѣхъ чисто государственныхъ приѣмовъ управленія, какіе существовали во „дворѣ“ и въ „приказахъ“ Морозова. Вотъ эта-то широта хозяйственного размаха, поддерживаемая льготами и фактической безответственностью во всемъ, и послужила предметомъ жалобъ со стороны мелкопомѣстнаго служилаго люда и горожанъ. Уложеніе проводило начало общаго равенства предъ закономъ и властью („чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ равна“) и этимъ становилось противъ московскаго боярства и дьячества за мелкую сошку провинціальныхъ міровъ. Притязанія этой сошки охранить себя посредствомъ соборныхъ челобитій отъ обидъ насильниковъ московская администрація свысока называла „шумомъ“ и „разными прихотями“, а шумѣвшихъ— „озорниками“. Тенденція Уложенія и челобитья соборныхъ людей никакъ не могли правиться московской боярской и дьяческой бюрократіи.

Такъ, съ ясностью обнаруживается, что, со-

¹⁾ П. Е. Забѣлинъ. „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ“ („Вѣстникъ Европы“ 1871 г.).

званный для умирения страны, соборъ 1648 г. повелъ къ разладу и неудовольствіямъ въ московскомъ обществѣ. Достижніе своей цѣли, соборные представители провинціального общества возстановили противъ себя сильныхъ людей и крѣпостную массу. Если послѣдняя, не мирясь съ прикрѣпленіемъ къ тяглу и къ помѣщику, стала протестовать „гилемъ“ (т. е. безпорядкамъ) и выходомъ на Донъ, подготавливая тамъ Разиновщину,—то общественная вершина избрала легальный путь дѣйствій и привела правительство къ полному прекращенію земскихъ соборовъ.

XI.

Земскій соборъ 1648 года былъ самымъ полнымъ, самымъ дѣятельнымъ и самымъ вліятельнымъ изъ соборовъ при новой династии. Почетно поставленные и обезпеченные казною на все время работъ въ Москвѣ, выборные люди привлекались иногда въ ряды московской администраціи не только для отдѣльных порученій, но и на должности по мѣстному и центральному управленію. Имъ, вмѣстѣ съ высшимъ почетомъ, оказывалось и довѣріе. Но въ то же время въ обстоятельствахъ собора 1648 года крылись уже причины быстрой развязки, конца соборовъ. Конецъ этотъ пришелъ такъ неожиданно, что позднѣйшему наблюдателю онъ можетъ показаться какъ бы переворотомъ въ правительственной системѣ.

Послѣ собора объ Уложеніи въ Москвѣ были еще соборы въ 1650, 1651 и 1653 годахъ. Первый изъ нихъ занимался вопросомъ объ умиротвореніи Пскова, гдѣ тогда шло очень острое броженіе. Два послѣднихъ были посвящены вопросу о присоединеніи Малороссіи. Последнее засѣданіе собора 1653 года проходило 1 октября,—и болѣе соборы въ Москвѣ не созывались. Можно думать, что отъ нихъ московское правительство отказалось сознательно. Послѣ 1653 года, въ тѣхъ случаяхъ, когда признавалось необходимымъ обратиться къ мнѣніямъ свѣдущихъ людей, въ Москвѣ созывали на совѣтъ уже не „всѣхъ чиновъ выборныхъ людей“, а представителей только того сословія, которое было всего ближе къ данному дѣлу. Такъ, въ 1660, 1662—1663 годахъ шли совѣщанія бояръ съ гостями и тяглыми людьми г. Москвы по поводу денежнаго и экономическаго кризиса. Въ 1672 году въ Посольскомъ приказѣ вышнее московское купечество было привлечено къ обсужденію армянскаго торго шелкомъ; въ 1676 году тотъ же вопросъ былъ предложенъ гостямъ въ Отвѣтной палатѣ. Въ 1681—1682 годахъ въ Москвѣ были двѣ односословныя комиссіи: одна, служилая, занималась вопросами военной организаціи; другая, тяглая,—вопросами податнаго обложенія; обѣ были подъ руководствомъ одного предсѣдателя, князя В. В. Голицына, но ни разу не соединились въ одну палату выборныхъ. Только

однажды члены служилой комисіи вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ и думою составили общее засѣданіе для торжественной отмѣны мѣстничества; но это, конечно, не былъ земскій соборъ въ томъ смыслѣ, какъ мы условились понимать этотъ терминъ. Прибѣгая къ совѣту съ экспертами въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ требовались спеціальныя свѣдѣнія, московская власть въ общихъ дѣлахъ, хотя бы и большой государственной важности, довольствовалась „соборомъ“ властей и бояръ. Такъ, въ 1673 и 1679 годахъ экстренные денежные сборы въ виду войны съ турками были назначены приговорами освященнаго собора и думы. Ранѣе же такіе сборы назначались неизмѣнно земскими соборами. Словомъ, послѣ 1653 г. московское правительство систематически стало замѣнять соборы другими видами совѣщаній, на которые ему указывала традиція. Мы видѣли, что и комисіи свѣдущихъ людей при боярской думѣ и „соборы“ властей и бояръ существовали еще до Смутнаго времени и были освящены еще большею давностью, чѣмъ выборные „совѣты всея земли“. Признавъ послѣдніе нежелательными, легко обратились къ первымъ, видя въ нихъ не меньше смысла, но больше удобствъ и безопасности.

Однако, земскіе люди, замѣтивъ перемѣну въ отношеніи власти къ земскимъ соборамъ, не скрыли при случаѣ, что съ своей стороны они дорожатъ опальнымъ учрежденіемъ. Когда въ 1662 году, въ смутную пору тяжелаго денеж-

наго кризиса, московское правительство неоднократно звало на совѣтъ московскихъ гостей, людей гостинной и суконной сотень и черныхъ сотень и слободъ, то всѣ эти люди въ числѣ мѣръ къ пресѣченію кризиса предлагали созвать соборъ. „То дѣло всего государства, всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ“, говорили гости и торговые люди: „и о томъ у великаго государя милости просимъ, чтобы пожаловалъ великій государь, указать для того дѣла взять изъ всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лучшихъ людей по 5 человекъ; а безъ нихъ намъ однимъ того великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно“. Черные люди просили того же: „О томъ великаго государя милости просимъ, чтобы великій государь указать взять изъ всякихъ чиновъ и изъ городовъ лучшихъ людей; а безъ городовыхъ людей о мѣдныхъ деньгахъ сказать не умѣть, потому что то дѣло всего государства и всѣхъ городовъ и всякихъ чиновъ людей“. Но судьба соборовъ была уже рѣшена, и великій государь соборовъ болѣе не созывалъ.

Послѣ сказаннаго намъ нѣтъ надобности много говорить о причинахъ прекращенія соборовъ. Служа въ XVII вѣкѣ политическимъ органомъ среднихъ классовъ московскаго общества, соборы были сначала въ тѣсномъ единеніи съ монархомъ, который въ моментъ избранія своего самъ былъ излюбленнымъ вождемъ тѣхъ же среднихъ классовъ. Дружное соправ-

тельство двухъ родственныхъ политическихъ авторитетовъ, царя и собора, продолжалось до того времени, пока верховная власть не эмансипировалась отъ сословныхъ вліяній и пока вокругъ нея не сложилась придворно-аристократическая бюрократія. При первыхъ же признакахъ разлада между земскимъ представительствомъ и „сильными людьми“, между нижнею и верхнею палатами земскаго собора 1648 года, правительственная среда перестаетъ пользоваться помощью собора и прибѣгаетъ къ другимъ видамъ совѣщаній, существовавшимъ издавна въ московскомъ обиходѣ. Земскому собору перестаютъ довѣрять, потому что связываютъ его дѣятельность съ тѣмъ „въ міру великимъ смятеніемъ“, которое колебало государство въ 1648—1650 годахъ. Власть ищетъ дальнѣйшей опоры уже не въ соборахъ, а въ собственныхъ исполнительныхъ органахъ: начинается бюрократизація управленія, торжествуетъ „приказное“ начало, которому Петръ Великій далъ такое полное выраженіе въ своихъ учрежденіяхъ.

Такова была внутренняя причина паденія соборовъ. Не сомнѣваемся, что главнымъ виновникомъ перемены правительственнаго взгляда на соборы былъ патриархъ Никонъ. Присутствуя на соборѣ 1648 года въ санѣ архимандрита, онъ самъ видѣлъ знаменитый соборъ; много позднѣе онъ выразилъ свое отрицательное къ нему отношеніе въ очень рѣзкой запискѣ. Во второй

половинѣ 1652 года сталъ Никонъ патриархомъ. Въ это время малороссійскій вопросъ былъ уже переданъ на сужденіе соборовъ: Когда же въ 1653 году соборъ покончилъ съ этимъ вопросомъ, новыя дѣла уже соборамъ не передавались. Временщикъ и іерархъ въ одно и тоже время, Никонъ не только пастъ церковь, но вѣдалъ и все государство. При его-то власти пришелъ конецъ земскимъ соборамъ.

Очеркъ исторіи земскихъ соборовъ показываетъ намъ, что вопреки старымъ утвержденіямъ, будто бы соборы не пережили своей зачаточной формы, можно наблюдать въ жизни этого учрежденія извѣстное движеніе, ростъ и совершенствованіе. Въ первое время нашего знакомства съ соборами, въ 1566 году, соборъ является предъ нами какъ бы чрезвычайнымъ засѣданіемъ боярской думы, въ которое приглашены свѣдущіе люди, выбранные самимъ правительствомъ изъ лицъ, находившихся въ ту минуту въ столицѣ и принадлежавшихъ къ верхамъ двухъ основныхъ сословій страны, служилаго и тяглаго. Представительства, въ нашемъ обычномъ пониманіи этого слова, еще не существуетъ; его замѣняетъ правительственное приглашеніе. Провинціальное общество, если не считать дворянъ изъ Торопца и В. Лукъ, вовсе не представлено прямыми представителями. Изслѣдователямъ приходится пускаться въ ходъ все

свое остроуміе для того, чтобы объяснить, почему подобнаго рода собраніе могло почтаться въ XVI вѣкѣ за совѣтъ всея земли. Прошло столѣтіе и на своемъ закатѣ земскій соборъ предстаетъ предъ нами совѣмъ въ иной формѣ. Въ составѣ собора 1648 года столица побѣждена провинціей и общественные верхи побѣждены общественною серединою. Прежде составъ собора опредѣлялся приглашеніемъ правительства, имѣвшимъ въ виду лишь столичныхъ обывателей, постоянныхъ и временныхъ. Позднѣе мы видимъ, что дворянскія уѣздныя общества и тяглыя городскія общины путемъ правильныхъ выборовъ посылаютъ на соборъ своихъ выборныхъ уполномоченныхъ; и городъ Москва наряду съ провинціей посылаетъ отъ себя тѣмъ же порядкомъ избранныхъ въ его сословныхъ организаціяхъ представителей. Раньше на соборахъ бывали сотни москвичей и десятки „городовыхъ“ людей; въ 1648 году мы видимъ на соборѣ сотни городовыхъ людей и десятки москвичей. Начало выборнаго представительства, выработанное въ буряхъ Смутнаго времени, привело къ тому, что соборы стали отражать въ себѣ, вмѣсто одной столицы, все государство. Съ нашей точки зрѣнія, устройство представительства было въ 1648 году мало совершенно; сравнительно же съ XVI вѣкомъ оно сдѣлало громадныя успѣхи. Оно превратило земскіе соборы изъ вспомогательнаго правительственнаго

совѣщанія въ политическій органъ среднихъ классовъ московскаго общества. Собственно говоря, одно учрежденіе какъ бы смѣнилось другимъ, хотя оба они и носили одно и то же имя „совѣта всея земли.“

Въ томъ и въ другомъ своемъ видѣ, то-есть, и тогда, когда соборъ былъ правительственной комиссіей свѣдущихъ людей, и тогда, когда соборъ сталъ собраніемъ земскихъ уполномоченныхъ,—онъ игралъ роль по преимуществу совѣщательную. Руководство московскою правительственною практикою сосредоточивалось въ боярской думѣ. Однакоже при государяхъ и въ безгосударное время дума стояла во главѣ текущаго управленія; совѣтъ же всея земли былъ совѣщаніемъ экстреннаго порядка, въ которое обращались только дѣла чрезвычайной важности. Изъ своей пассивной роли совѣтника соборъ выходилъ лишь въ исключительныя минуты государственной жизни, когда ему усваивалась, можно сказать, верховная власть. Мы видѣли, что въ эпохи междоусобицъ она принадлежала ему нераздѣльно; при новой династии въ важнѣйшіе моменты ея дѣятельности (мѣропріятія 1619 года, Соборное уложеніе, присоединеніе Малороссіи и т. п.) сами государи слывали своей авторитетъ съ авторитетомъ „всея земли“. Но проходилъ исключительный моментъ, наступало затишье, — и соборы опять входили въ свою обычную роль совѣтника, ожидающаго призыва со стороны власти. Мы видѣли, чѣмъ объяснялась эта пассивность

земскихъ соборовъ въ пору ихъ наибольшаго процвѣтанія и значенія. Соборы были органомъ тѣхъ же среднихъ общественныхъ классовъ, представительницею и выразительницею которыхъ была сама новая династія. Въ общей „разрухѣ“ царь и соборъ представляли одну политическую сторону, были одною политическою силою, имѣли однихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Это были не противники, готовые спорить между собою за власть, а союзники, готовые дружно защищать общее добро. Неревнивый контроль, а спокойное довѣріе характеризовало ихъ взаимныя отношенія, и не желаніе верховодить, а стремленіе „заложиться“ другъ за друга господствовало въ нихъ. Таковъ былъ историческій моментъ, длившійся, прибавимъ, недолго. Въ серединѣ XVII вѣка жизнь стала разводить друзей. Власть постепенно освобождалась отъ вліянія среднихъ слоевъ населенія, бывшихъ ранѣе ея поддержкою. Она видѣла въ себѣ руководительницу всего замиреннаго послѣ Смуты московскаго общества, представительницу всего государства. Задачи ея естественно становились болѣе широкими и шли далѣе односторонней защиты интересовъ того или иного сословія. А соборы продолжали быть органомъ общественной середины и выразителями интересовъ именно среднихъ классовъ. Съ другой стороны, вокругъ государя постепенно образовалась „приказная“, бюрократическая среда, своего рода „средостѣніе“ между властью и обществомъ. Раздражаемая

злоупотребленіями приказныхъ людей, земщина стала мѣнять тонъ на соборахъ; въ 1648—1649 гг. она явно стала противъ „сильныхъ людей“, и въ борьбѣ съ ними инстинктивно потянулась къ тому, что называется законодательною инициативой. Пассивный прежде совѣтникъ теперь становился неудобнымъ для приказно-бюрократическихъ круговъ и потому былъ очень скоро устраненъ. Стало быть, какъ въ отношеніи состава, такъ и въ отношеніи политической роли, исторія соборовъ представляетъ картину быстрыхъ перемѣнъ. Будучи собраніемъ чиновниковъ (правительственныхъ агентовъ, какъ выражается В. О. Ключевскій) въ началѣ своей дѣятельности, соборъ затѣмъ является собраніемъ земцевъ правительственной партіи, а въ концѣ показываетъ возможность обратиться и въ оппозиціонную организацію.

Со всѣмъ тѣмъ, какъ ни быстро мѣнялась физіономія изучаемаго нами учрежденія, оно во всѣхъ фазахъ своихъ признавалось всѣми цѣннымъ и полезнымъ участникомъ московской государственной работы. Мы видѣли, какъ часто и охотно прибѣгала власть къ созыву соборовъ и какъ высоко ставился „совѣтъ всея земли“ всѣми временными правительствами Смутной эпохи. Соборы давали возможность власти точно узнать мнѣніе и настроеніе общества и достигъ увѣренности, что принятое на соборѣ рѣшеніе будетъ принято и исполнено всѣмъ обществомъ. Для земщины соборъ былъ средствомъ довести до власти свои жалобы,

нужды и желанія, „разказать про неправды и разоренія“, достигъ справедливости и порядка въ своей жизни. На соборъ населеніе смотрѣло, какъ на лучший свой органъ, безъ котораго нельзя было рѣшать важныхъ дѣлъ, „великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно“, какъ выражались наши предки. Какъ средство общенія власти съ управляемымъ обществомъ, соборы сослужили Москвѣ большую службу. Московскій государственный порядокъ, изъ котораго ведетъ свое начало новая Россія, былъ созданъ и укрѣпленъ, послѣ ужасающей смуты начала XVII вѣка, болѣе всего авторитетомъ земскаго собора.

Таково значеніе и заслуги московскаго „совѣта всея земли“. Отвѣчая потребностямъ и условіямъ своей эпохи, этотъ совѣтъ былъ движущимъ началомъ московской исторіи. Для насъ, съ нашими злобами дня, онъ только любопытный архаизмъ. Оживить его ветхія формы невозможно, какъ невозможно возстановить сословную жизнь Московской Руси. Но изучать старый „совѣтъ всея земли“ намъ очень полезно: для разрѣшенія вѣковой проблемы объ идеальномъ отношеніи власти и народа онъ даетъ наблюдателю цѣнный и свѣтлый матеріалъ, свидѣтельствующій о томъ, что наши предки умѣли находить отвѣчавшія потребностямъ ихъ времени формы „общаго совѣта“ и совершенствовать ихъ сообразно съ успѣхами своей общественности.

Проф. С. Платоновъ.

Мн 18614

1949 г.

